

**Р. Ш. КУЗНЕЦОВА**

Кубанский государственный университет  
Краснодар

## **Женщина в старой и новой Абхазии: «Что нового?!»\***

---

---

**ВВЕДЕНИЕ.** В настоящее время имеется уже много изданий, которые выражают женские представления относительно гендерных проблем. Кроме того, мы знаем несколько классических антропологических работ типа: “Сексуальная жизнь в северо-западной Меланезии” Бронислава Малиновского (1929), “Мужчина и женщина” Маргарет Мид (1949) или “Психологический анализ и антропология” Гезы Рохейма (1950). Они посвящены гендерным отношениям в различных культурах. Перед Вами еще одна культура. Моя задача заключалась в том, чтобы на основе анализа различных источников попытаться исследовать изменения в положении абхазских женщин в семье и обществе в течение последней сотни лет (1900-2000 годы). В наши дни изучение условий жизни в Абхазии важно и интересно для специалистов и общественного мнения, потому что эта страна представляет собой огненную точку на карте, как результат драматической войны - Грузино-абхазского вооруженного конфликта.



**И**СТОРИЧЕСКАЯ территория абхазов, Абхазия, занимает площадь около 8600 кв. км кавказского берега Черного моря от реки Псоу до реки Ингури. После включения ее в состав Российской империи и выселения в Турцию абхазских махаджиров (беженцев из-за религиозных притеснений) здесь поселились и быстро стали доминировать другие этнические группы: грузины, русские, армяне, греки. С этого времени и вплоть до 1991 года (распад СССР и начало Грузино-абхазского вооруженного конфликта) Абхазия продолжала быть полиэтнической территорией. Однако после этого из республики были изгнаны грузины (включая мегрел), а значительная часть иноэтничного населения уехала самостоятельно из-за безработицы и разрухи. Доминирующим слоем опять стали абхазы.

Обычно, как при взгляде со стороны, так и в самоописаниях самих абхазов, их культура изображается в виде такой, для которой характерна дискриминация представителями одного гендера представителей другого. Отсюда характерными чертами абхазского общества являются: мужское доминирование на разных уровнях социальной организации, патрилинейное наследование собственности и счет родства, патрилокальное расселение после заключения брака и т.д. и т.п.

Традиционная абхазская культура как бы состоит из двух отчетливых субкультур: доминирующей мужской и зависимой женской. Еще совсем недавно мужская субкультура в определенных ситуациях пользовалась даже своим собственным *лесным (тайным)* языком - только мужской формой абхазского языка. Абхазы наряду с некоторыми народами Северного Кавказа (например, адыгами) имеют собственный кодекс чести *апсуара*, который устанавливает все правила поведения в жизни, в том числе отношения с дочерьми, невестками, женами и матерями. Центральным пунктом этих правил является категория женской девственности. Раньше в случаях нарушения данного правила нормы общего права (*адаты*) предусматривали суровое наказание.

Вместе с тем, такая характеристика имеет вполне конкретные авторы. Известная афроамериканская феминистка Анджела Дэвис пишет в своей работе “Расизм и миф о черном насилии”, что вопрос о том, кто более угнетаем, мужчина или женщина, не имеет смысла, если не принимать во внимание цвет кожи этих людей: *“Исторический узел, связывающий чернокожих женщин, систематически оскорбляемых и насилуемых белыми мужчинами, с чернокожими мужчинами, которых калечили и убивали из-за расистского манипулирования обвинением в*

---

\*Работа выполнена по гранту: RSS No. 1002/2000, Woman in a Male Society: Cultural Conflict in Traditional and Modern Abkhazia.

*изнасиловании, только-только начал осознаваться»* (Дэвис, 2000: 192).

Взаимосвязь расизма и сексизма, перетекание одной формы угнетения в другую до сих пор остаются реальностью. Абхазские женщины и мужчины в целом представляют собой меньшинство как по отношению к Грузии, так и по отношению к России. В сегодняшней России распространяются все более и более расистские предрассудки об особой агрессивности кавказских мужчин, в частности в вопросах секса, которые проникают в СМИ и даже академический дискурс. Поддаваясь разного рода популярным представлениям вроде: «Во все времена на востоке женщина дискриминировалась», исследователь невольно скатывается на расизм. Это очень важно иметь в виду, приступая к анализу гендерной ситуации в Абхазии. В этом смысле идеи Анджелы Дэвис мне показались весьма актуальными.

Вспоминается случай из жизни села Лидзава (Лдзаа), рассказанный мне мамой: «В 1946-48 годах председателем колхоза был грузин Ермолай Бакурадзе, его прислала советская власть. Он был очень строгим и злым человеком. Все его боялись, т. к. он ездил всегда на лошади, у него был наган, а в руке плетка, которой он бил тех, кто проявлял непослушание или недовольство. На полях в основном работали женщины-абхазки, у всех были дома дети и много других дел, но каждая старалась быть вовремя на рабочем месте. Женщины старались не попадаться председателю на глаза, особенно если они опаздывали или не выполняли трудовую норму. Когда один раз он ударил абхазку плеткой, брат ее убил его выстрелом из охотничьего ружья. Приехала комиссия по расследованию убийства, но виновного скрыли и не выдали. Никто в селе не пожалел убитого, настолько он всех замучил».

Однако, учитывая это, совсем необязательно идеализировать гендерные отношения в Абхазии, становиться на позицию мужчин-абхазов, согласно которым считается, что абхазское общество выработало свои особые механизмы, делавшие женщину свободной и независимой.

\*\*\*

Система идей и концепций на этом этапе работы над проектом, характеризующая мой взгляд на природу и сущность женского в культуре и обществе, основана на работах ряда других ведущих социологов, как Рэндалл Коллинз, Роберт Коннелл и Эрик Хобсбаум, в том числе теоретиков феминистской теории, таких, как: Джоан Хубер, Э. Кесслер-Хэррис, Анджела Дэвис, Джо-

ан Рингельхайм, Нэнси Ходоров, Кэррол Гиллиган, Гэйл Рубин, Андреа Дворкин и Элен Сиксу.

Рэндалл Коллинз в работе «Неочевидная социология» (Collins, 1992; Коллинз, 2000) выдвигает идею, что отношения в семье - это отношения собственности. Какие именно виды собственности он выделяет? Первое: «право собственности на человеческое тело, которое мы можем назвать сексуальной собственностью»; второе: «право собственности на детей, назовем этот вид поколенческой собственностью»; третье: «право собственности на имущество, которым владеет семья, - хозяйственная собственность». Выделив эти три вида собственности, из которых складывается семья, Коллинз уточняет, что они, включая и сексуальную собственность, не являются естественными и раз и навсегда установленными. «Виды собственности - это продукты определенных социальных условий, и они меняются вместе с изменениями этих условий».

Собственность, по Коллинзу, - это социальное отношение, «это право обладания, право удерживать других от обладания вашей собственностью и готовность общества обеспечивать эти права». С этой точки зрения сексуальность может быть собственностью. Женщины становятся объектом особого внимания в связи с их ролью в процессе воспроизводства, и способ контроля над репродукцией лежит в контроле за сексуальным поведением. Брачный контракт в определенном смысле можно рассматривать как соглашение об исключительном праве на сексуальные отношения между двумя партнерами. Идеализация женщин способствовала сохранению четкого барьера между мужским и женским. Мужчинам принадлежал внешний мир труда, женщины имели в своем распоряжении брачный рынок и семью. Используя марксистскую теорию, что эксплуатация женщин служит поддержанию патриархального порядка, Коллинз доказывает, что мужчины присваивают труд женщины внутри семьи так же, как капиталисты присваивают труд пролетариата. Т.е. и капитализм, и патриархат поддерживаются неоплаченным домашним трудом.

Джоан Хубер в работе «Теория гендерной стратификации» (Huber, 1993; Хубер, 2000) разработала модель гендерной стратификации с учетом того, что происходит внутри домохозяйства, а также тех двух задач воспроизводства, решение которых не доступно мужчинам: рождения и грудного вскармливания детей. Три принципа гендерной стратификации, которые предлагает Джоан Хубер, позволяют нам рассмотреть:

а) уровень семьи, т.е. “люди, производящие товары, имеют больше власти и престижа, чем те, кто потребляет”. Несмотря на то, что мужчины и женщины способны на равных выполнять широкий спектр действий, фактор пола при разделении труда играет решающую роль. И если уж мужчина не может родить и выкормить грудью ребенка, а общество хочет выжить, то женщина должна рожать и выкармливать детей. Из этого факта вытекает принцип: б) работа, выполняемая женщиной, должна быть совместима с беременностью и лактацией. Ну и третий принцип следует из общей теории стратификации: в любом обществе наибольшая власть и престиж принадлежат людям, контролирующим распределение материальных ценностей за пределами семьи. Учитывая эти принципы, т.е. взаимодействие нескольких факторов - экологии, технологии производства пищи и изменений рождаемости в пяти исторических типах культур, Джоан Хубер составляет теорию формирования гендерной стратификации.

Женский труд в контексте изменяющихся экономических потребностей, а также взаимоотношения между работой вне дома и изменяющимися функциями семьи Элис Кесслер-Хэррис исследует в работе “Женский труд и социальный порядок” (Kessler-Harris, 1975; Кесслер-Хэррис, 2000). В своей статье Э. Кесслер-Хэррис затрагивает вопросы, которые феминистки рассматривали, говоря о работе, выполняемой вне дома и за оплату, как мужскую реальность. Взаимосвязь между представлением о женщине и ее положением на рынке труда достаточно сложна. Отвечая на вопросы, почему женщины зарабатывают меньше мужчин, выполняют иные работы, как они связаны с тем, какую работу выполняют мужчины, Элис Кесслер-Хэррис использует марксистскую идею о промышленной резервной армии труда, которая может быть использована на рынке труда, когда в этом появится нужда, и отозвана с него, когда потребность в этом исчезнет. “Если все женщины пойдут работать, то это будет угрозой целостности домашнего очага и семьи, на которых, как считалось, держится социальный порядок”. Взгляды Коллинза, Хубер и Кесслер-Хэррис полезны при анализе изменений, которым подверглась роль абхазской женщины в экономике семьи и общества в целом.

Очень интересна работа “Женщины и Холокост” Джоан Рингельхайм (Ringelheim, 1985; Рингельхайм, 2000). Опыт, практика женщин, переживших войну, “затемнялись или поглощались описаниями жизни мужчин”. Новое гендерное направление занялось описанием женского опыта,

который не признавался традиционной историей. “Гендерная история” принесла не просто “включение женщин” в историю, но и рассматривает историю “с другой точки зрения”. Работая над статьей о проблемах женщин Абхазии во время абхазо-грузинского вооруженного конфликта, важно учитывать тот подход к интервью и их анализ, проведенный Джоан Рингельхайм.

Анджела Дэвис рассматривает социальное как поле сил пол-раса-класс, а вопрос о том, кто более угнетаем, мужчина или женщина, не имеет смысла, если ничего не известно о цвете кожи этих людей. “Расизм и миф о черном насильнике” (Davis, 1981; Дэвис, 2000) - это работа, посвященная разоблачению мифа о чернокожем насильнике и “...простой, беспорядочной негритянской аморальности”. Расистский миф о черном насильнике воскрешается всякий раз, когда нужны убедительные оправдания волне террора и жестокости в отношении негритянской общины. Миф о чернокожем, насилующем белых женщин, - это близнец мифа о плохих чернокожих женщинах. Миф о насильнике-кавказце - это лишь его продолжение. Это тоже очень важно иметь в виду, приступая к анализу гендерной ситуации в Абхазии.

### **От агама к конституции (изменения в правовом положении женщин Абхазии)**

Согласно Эрику Хобсбауму, в Западной Европе “власть мужчин над женщинами была абсолютной лишь теоретически, но на практике она вовсе не была произвольной и неограниченной...” (Hobsbawm, 1987; Хобсбаум, 1999, 307).

Прежде всего, необходимо не забывать, что источники, по которым мы судим о положении женщины в Старой Абхазии, имеют вполне конкретных авторов: просветителей и краеведов XIX века, таких, как Н. С. Державин (Державин, 1907), М. Джанашвили (Джанашвили, 1894), К. Мачавариани (Мачавариани, 1884) и др., в духе мышления колониальной эпохи свято верящих в эволюционистскую идею прогресса и боровшихся с вредными пережитками темного безграмотного времени “без истории”.

В доколониальный период абхазское общество, не знавшее письменности, регулировало гендерные отношения своих членов на основе устного обычного права (адата). Ко времени колониальной Кавказской войны, в результате которой Абхазия, как и другие горские земли, вошла в состав Российской империи, на фоне идеологической борьбы мусульман, вдохновленных Тур-

цией, с православными христианами, несколько усилилось значение шариатского права.

Еще в конце XIX в. в Абхазии существовала большесемейная община аинду (большой дом). «Старшим» в такой семье являлся отец, распоряжавшийся всем хозяйством. Для решения важных вопросов созывался семейный совет, где хоть и выслушивалось мнение старших сыновей и «старшей» женщины в доме, голос отца был решающим. Личную собственность членов семьи составляли только одежда и оружие у мужчин, приданое - у женщин.

Абхазская женщина никогда не входила полностью в семью мужа и никогда полностью не порывала связи со своей семьей и родовой группой. *«Уходя от мужа, жена забирала с собой все свое приданое, а также часть приплода от скота, входившего в это приданое. Остальная часть приплода оставалась в пользу семьи мужа в качестве платы за пастьбу и иной уход».* Скот, входивший в состав приданого, помечался семейной тамгой (*ахыцара*). Несмотря на то, что скот поступал в общее пользование, велся строгий учет приплода, т.к. в случае развода или раздела весь скот вместе с приплодом и приданным возвращался женщине. Имущественные права женщины состояли только лишь в праве на приданое. Конечно же, от величины приданого и его ценности зависело и положение невестки в новой семье. Женщина из высшего сословия, принесла в дом мужа значительное приданое, а иногда и земельную собственность, фактически была независима. Значение приданого как единственной собственности женщины увеличивалось тем, что труд, затраченный ею на ведение совместного хозяйства, адатом не учитывался.

При разделе большой абхазской семьи учитывался только мужской состав семьи. Если отец был жив, то он получал половину имущества, все остальное делилось между сыновьями. Дочери, независимо замужние они или нет, не получали ничего. Если раздел производился после смерти отца, то имущество делилось между братьями, а дом оставался младшему сыну. «При разделе женская доля была съедена козой», - говорили абхазцы. Мать и сестры оставались жить в отцовском доме. Братья должны были заботиться о них, готовить приданое. Если дети были маленькими, то мать брала на себя роль опекуны до совершеннолетия сыновей. Если мальчиков не было, то имущество переходило к ближайшим родственникам. В том случае, когда не было ни сыновей, ни близких родственников, все движимое имущество переходило к жене, а недвижимое доставалось владельцу

умершего. Если же вдова была из состоятельного рода, наследником недвижимости становился сам владетель Абхазии.

Однако абхазская женщина все-таки имела право наследования имущества в урезанной форме - право на имущество своей умершей сестры. По нормам адата имущество умершей женщины переходило к ее сестрам, если их не было - к братьям и только в последнюю очередь - к детям. Муж женщины из числа наследников был исключен. Только к концу XIX в., под влиянием русского законодательства, в высших сословиях укоренилась практика, согласно которой муж мог по завещанию передать жене часть движимого имущества, которое должно было принадлежать по адату сыновьям или родственникам.

Рэндал Коллинз в работе «Неочевидная социология» (Collins, 1992; Коллинз, 2000) выдвигает идею, что отношения в семье - это отношения собственности. Какие именно виды собственности он выделил? «Право собственности на имущество, которым владеет семья, - хозяйственная собственность» - только третья разновидность собственности в его понимании. Первая - «право собственности на человеческое тело, которое мы можем назвать сексуальной собственностью»; вторая - «право собственности на детей, назовем этот вид поколенческой собственностью».

Другим критерием семейного и общественного положения женщины служит бракоразводное дело. Занимая подчиненное по отношению к мужу и его семье положение, абхазка все же не знала грубого обращения. Супруги редко ссорились, и никогда не было случая насилия. Считалось позором обидеть или оскорбить женщину. «Ведь даже хорошая собака не лает на женщину», - говорили абхазцы. Оскорбление женщины немедленно привело бы к разводу или мести со стороны ее родственников. Развестись было нетрудно, т.к. каждый из супругов мог потребовать развода. Самой серьезной причиной развода было прелюбодеяние, бездетность, болезнь одного из супругов, однако достаточной причиной считалось несоответствие характеров, грубость мужа или сварливость и нерадивость жены. Разводы, связанные с супружеской неверностью, были самыми сложными. Мужчина, обвиненный в неверности, мог ограничиться принесением очистительной присяги. Если же он отказывался от присяги или виновность его не вызывала сомнений, жена получала развод, а родственники мстили оскорбителю. Если в измене обвиняли жену, то дело было намного сложнее. По шариату обманутый муж имел право

убить жену. Однако исламское право полностью не действовало в Абхазии, и муж поступал по адату, отводя жену к ее родственникам со словами: “Примите вашу мертвую”. Если виновность жены была доказана, то ее изгоняли из села, и никто не мог ей помочь. “Дать ей приют – значило нанести оскорбление ее родственникам и навлечь на свою голову беду”. Мужу родственники жены обязаны были уплатить “цену крови”. Если же виновность не была доказана, то мужа ждала кровная месть. Очень часто такие бракоразводные дела заканчивались кровопролитием. Если муж убивал соблазнителья его жены, то родственники убитого мстили убийце, их же в свою очередь ждала месть со стороны родственников женщины. От мести отказывались в том случае, если соблазнитель соглашался жениться на ней и возместить уплаченную ими оскорбленному мужу “цену крови”. Если муж убивал жену, а соблазнителья оставлял в живых, что случалось крайне редко, то братья жены или близкие родственники сами мстили мужу. В случае бездетности развод давался немедленно. Правда, жена не всегда уходила из дома мужа. Она могла остаться в семье, т.к. знала, что вторичный брак для нее невозможен. Если муж был согласен, бездетная жена оставалась вести хозяйство и даже нянчила и воспитывала детей второй жены. Бывали случаи, когда женщина по старости не могла вести хозяйство, и она предлагала мужу привести в дом молодую жену. Если вторая жена ей не нравилась, она могла настоять на разводе, а затем на новой женитьбе. Первая жена, в таких случаях, оставалась хозяйкой, распорядительницей, а вторая *авартва* (сидящая рядом) фактически была прислугой. Дети при разводе оставались при отце. Лишь совсем маленьких детей, нуждающихся в материнском уходе, можно было забрать с собой. Но и их по первому требованию отца женщина должна была вернуть. У женщины, имеющей детей, было право после развода остаться в доме мужа, но жить она могла с ними в отдельном помещении во дворе. Патриархальный порядок, господствующий в абхазском обществе, сказывался на том, что для женщины развод был более нежелателен, чем для мужчины, однако он не был дискриминационным. Интересы женщины оберегались обычным правом абхазов, ее родственниками. Разведенная жена имела право выйти второй раз замуж, если только она не была бездетной или ставились под сомнение ее характер и хозяйственные способности. Вдовствующие женщины также могли выйти замуж. Норма адата приписывала вдове соблюдать годичный траур,

и через полтора-два года она могла вступить в новый брак. Дети не были препятствием для вторичного замужества, т.к. они оставались у родственников отца. Если же таковых не было, то мать, через несколько недель после свадьбы, забирала детей к себе. В случае, когда вдова не хотела оставлять детей и вступать в новый брак, она могла остаться в семье умершего мужа как полноправный член семьи.

Абхазка была лишена и политических прав. В XIX в. женщины не участвовали в народных собраниях, где обсуждались дела межобщинного управления, а иногда и всей Абхазии. Не участвовали они в сельских или поселковых сходках и в судебных собраниях. Но женщины, принадлежащие к высшим сословиям, в отсутствие мужа (князя или дворянина) нередко заменяли его и выступали на народном собрании от его имени. Вдовствующая княгиня, владевшая землями, не только присутствовала на собраниях и судах и имела право голоса, но и принимала участие в совете старейшин.

Правда, девушки и женщины посещали бракоразводные процессы. Право выступать на них в суде имели и молодые женщины, и пожилые. Женщины выступали не только в качестве ответчицы, но и обвинительницы, свидетельницы. Часто прислушивались к советам пожилых женщин, которые славилась мудростью и опытом. Женщина имела право присягать в своей невиновности, отправляясь для этого в храм, в кузницу или священную рощу. Бывали случаи, когда за женщину выступал ее отец или брат, но никогда не муж. Если женщина была беременна, то за нее также присягали отец или брат, т.к. абхазцы верили, что ошибочная или ложная присяга могут повредить ребенку.

То, что женщину заменял ее отец или брат, а не муж, говорит о том, что абхазка никогда не порывала с семьей своих родителей и родовой группой. Абхазское общество рассматривало женщину как представительницу двух родов - ее отца и мужа. Если женщину оскорбляли, то оба рода должны были мстить за нее. Женщина соблюдала запретные дни обеих групп. И только в экономическом отношении женщина считалась полностью перешедшей в группу своего мужа.

Важную роль в XIX в. играла абхазская женщина при усыновлении, атальчестве, гостеприимстве, кровной мести. При усыновлении главным действующим лицом была женщина, она же и воспитательница. Институт гостеприимства приписывал женщине не только право обслужить гостя, но, оказывая гостю в отсутствие мужа или других родственников мужчин требу-

емый обычаем прием, женщина поддерживала честь дома. Кровную месть абхазы нередко называли “женским вопросом”, “женским хвостом”. Женщина выступала не только как причина кровной мести, но и была инициатором ее. “Старая кровь не умирает и не гниет”, - говорили абхазы. Не отомстить за кровь считалось позором, и энергичнее всех поддерживали в человеке чувство мести женщины. Если мужчина отказывался от мести, то мать и родные сестры постоянно напоминали ему о невыполненном долге. Женщины показывали своим поведением, что они презирают труса, они не разговаривали с ним, ставили для него пищу на отдельный стол, остатки еды выбрасывали за дверь со словами: “Собака палку терпит и в то же время ест”. Сами женщины никогда не были объектом кровной мести. Убившего или ранившего женщину ждало всеобщее презрение и месть двух родов - женщины и ее мужа. Случаи, когда женщина сама выступала как мстительница, не были редки в Абхазии. Если у женщины не было родственников мужчин, женщина с согласия общины мстила обидчику. Абхазские девушки и женщины не уступали в храбрости и умении владеть оружием мужчинам. Прославились абхазки и своими набегами, и военными подвигами. Известны имена женщин, участвовавших в набегах на различные северокавказские племена. Участвовали женщины и в антифеодальных выступлениях. Известным уважением пользовались женщины знахарки и прорицательницы.

Двойственность общественного положения абхазки вызывала крайне противоречивые свидетельства авторов, касавшихся этого вопроса. По мнению одних абхазская женщина - порабощенная и бесправная, другие считали ее свободной и независимой.

Женщина из княжеской или дворянской семьи пользовалась всеми привилегиями господствующего класса. Общественный вес и свобода поведения женщин из высших классов были велики, не потому что таким был народный обычай, просто за спиной знатной женщины стояли два феодальных рода. Часто вес такой женщины был велик не только в абхазском обществе вообще, но и в самой фамильной группе ее мужа. Это было в тех случаях, когда княгиня владела огромным приданым, включавшим земли, и, опираясь на своих влиятельных родственников, заставляла считаться со своим мнением не только мужа, но и свекра со всей родней.

Положение женщины крестьянки не было столь свободным. Особенно тяжелым оно было у ахую, чьи дочери и жены обязаны были при-

служивать в домах феодалов. Бывали случаи, когда дочерей крестьян-должников продавали в рабство в Турцию. В XIX в. было еще в ходу право первой ночи. В 60-х годах XIX в. оно вызвало волнения в ряде селений. Известен случай, когда молодая женщина убила князя кинжалом, а затем убежала к мужу. Родственник князя, мстя за него, убил мужа этой женщины, но вскоре был убит сам молодой вдовой.

Выделив три вида собственности, из которых складывается семья, Р. Коллинз уточняет, что они, включая и сексуальную собственность, не являются естественными и раз и навсегда установленными. *“Виды собственности - это продукты определенных социальных условий, и они меняются вместе с изменениями этих условий”*. Собственность, по Коллинзу, - это социальное отношение, *“это право обладания, право удерживать других от обладания вашей собственностью и готовность общества обеспечивать эти права”* (Collins, 1992; Коллинз, 2000).

По источникам, которыми я располагаю, статус женщины в Старой Абхазии представляется очень противоречивым. Эти противоречия, как мне кажется, осложняются тем, что во всех описаниях фиксируется результат действия противоположных процессов. Происходит явное ухудшение в положении женщины под влиянием распространившегося на Абхазию права, вначале мусульманского, затем православного и государственного. Абхазы все больше и больше становились государственным народом со сложной социальной иерархией и копировали у своих соседей сильно иерархизированную модель гендерных отношений. С другой стороны, в абхазском обществе все это встречало реакцию, требовавшую все оставить так, как было раньше, т.е. не четко расписанные права мужчин и женщин, хозяев и их слуг и т.д. *“Покушение на уничтожение разных прав женщин, освещенных веками, вызывало здесь ряд волнений, которые всегда оканчивались победой женского влияния”*, - так писал К. Мачавариани (Мачавариани, 1884).

На примере общества Старой Абхазии тезис Хобсбаума достаточно четко подтверждается. Женщины все-таки обладали здесь важными индивидуальными и коллективными возможностями. И хотя общая декларированная подчиненность женщин действительно существовала, ситуативно они все же могли пользоваться уважением и почитанием со стороны мужчин.

В результате революции 1917 года Российская империя распалась, и колониальный период

для Абхазии условно закончился. Была основана Абхазская АССР в составе союзной Республики Грузия. Коммунистическая идеология декларировала свободу женщинам Востока.

В 1917 году правительство “уничтожило неравенство женщины в области брачно-семейных отношений и установило новый порядок заключения и расторжения брака”. Изменения касались порядка раздела имущества, получения наследства. Абхазская женщина впервые по закону получила собственность.

Женщине было предоставлено право избирать и быть самой избранной. Так женщины стали участвовать в выборах: в 1937 г., в составе окружных избирательных комиссий по Абхазской Республике работало 16 абхазок; 15 абхазок было избрано в Верховный Совет Абхазской АССР.

Конституция СССР гарантировала: *“Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной и общественно-политической жизни”*. Женщине также были гарантированы *“равные права с мужчиной на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов”* (Айвазова, 2001: 47; Законодательство о правах женщин в СССР, 1975: 13-14).

*“Так возникло, - пишет С. Айвазова, - совершенно новое явление “государственный феминизм” или специальная политика государства в отношении женщин, в рамках которой отныне осуществлялась “эмансипация” советских гражданок”* (Айвазова, 2001: 46).

Показательно, что в советском официальном варианте марксизма пропали феминистские черты, которые звучали у некоторых его теоретиков-женщин. Так, основной идеей теоретика большевиков Александры Коллонтай был брак “без быта”, который должен был подорвать “инстинкты” и “навыки” частной жизни, разрушить основы традиционной семьи. *“Так будет преодолено традиционное разделение труда между полами. Женскую роль в этом случае будет отличать от мужской только одно - материнская функция. Но и она изменится - станет функцией социальной”* (Айвазова, 2001: 46).

В действительности с приходом Советской власти формально провозглашенное полное равноправие между мужчиной и женщиной

овернулось лишь усилением экономической эксплуатации женщин мужским обществом. С. Айвазова продолжает: *“В обмен на признание ее свободы и равенства государство отныне ожидало от женщины исполнения не только ролей труженицы и матери, но и основной воспитательницы своих детей, хранительницы советской семьи, верной жены, берущей на себя все бремя забот о доме”* (Айвазова, 2001: 48).

Остается только добавить, что Абхазия не была в стороне от решений партии и правительства и активно внедряла в жизнь все их постановления.

## Гендерные роли

Если рождение сына считалось в абхазской семье важным событием, и об отце, имевшем много сынов, говорили: *“Благословен и счастлив тот, чью старость украсят сыновья!”*, то *“вместо шумной радости, с какой приветствовали рождение мальчика, появление на свет девочки встречалось в семье тягостным молчанием”* (Дбар, 2000: 11). Говорить однозначно, что дочь была нежеланной в абхазской семье, неверно. Существовало много пословиц (квазиюридических формул), закрепляющих это: *“Хорошая дочь двух сыновей стоит”, “Хорошая дочь - и мальчик, и девочка”*.

Однако та роль, которая отводилась девочке с самого рождения, отличалась от роли, отведенной мальчику. Девочка по сравнению с мальчиком в раннем детстве оказывалась в иной структуре семейных отношений. К. Гиллиган считает, что *“поскольку социальная среда у мальчиков и девочек различна, и поскольку они по-разному переживают отношения со своим ближайшим окружением, фундаментальные различия между полами сказываются на развитии личности”* (Gilligan, 1982; Гиллиган, 2000: 168).

Сложившиеся в абхазском обществе представления о поло-ролевых функциях повторяет классик абхазской литературы Дмитрий Гулия в стихотворении “Два слова сыну и дочери” (Гулия Д. 1974: 78):

### Сыну

*В старости отца и мать*

*Одеялом, мой сын, не стыдись укрывать,*

*Дело матери и дело отца*

*Не ленись, мой сын, довести до конца.*

*А смерть к нам придет, мой сын, не забудь*

*Достоинство отправить в последний путь.*

### **Дочери**

*Не стоит отца и мать  
Непослушаньем, дочь моя, огорчать,  
Не тараторь до вечерних зорь,  
Со стариками, моя дочь, не спорь,  
Седин стариковских ты не позорь,  
Готовь себя, дочка, к жизни большой,  
Будь ты телом чиста и чиста душой.*

В любом обществе существовала и существует до сих пор четко очерченная сфера “женских дел”. Она существует как в области домашнего хозяйства, так и в социальных отношениях. Это позволяет мужчинам продолжать удерживать женщин на второстепенных ролях.

Тем не менее, как показывает Нэнси Ходоров: “воспроизводство из поколения в поколение некоторых общих, практически универсальных, различий, которые характеризуют личность мужчины и женщины и их роли”, связаны не с анатомическими различиями между полами, а с тем, что “в действительности, в основном, именно женщины в любом обществе отвечают за заботу о маленьких детях” (Chodorov, 1974; Чодороу, 2000: 43-44).

Сущность того, как развивается отношение к полу в мужском обществе Старой Абхазии, помогает описать теория “половых ролей”, достаточно четко сформулированная Р. Коннелл: набор действий или типов ролевого поведения зависит от социального положения; то, какие действия соответствуют данному положению, определяют ролевые ожидания; этих ролевых ожиданий придерживаются люди, занимающие “противоположное положение” (*counter-position*) (те, кто задает роли, или референтные группы); эти люди обеспечивают исполнение ролей с помощью санкций - наград, наказаний, положительных и отрицательных подкреплений (Connell, 1987; Коннелл, 2000: 259).

Существовавшая в абхазском обществе система запретов предполагала определенный тип поведения как для мужчин, так и для женщин. Однако степень строгости запретов для женщин была и остается выше, чем для мужчин. Это подтверждает то, что ролевое поведение, нормы определяют “люди, занимающие “противоположное положение”, т.е. мужчины. Они не только определяют поведение пола, но и обеспечивают исполнение ролей, используя традиции и обычаи своего общества.

“Не позорь своих родителей”, “не запятнай чести и имени отца и матери” - это наиболее часто повторяемые фразы в абхазской семье. Их говорят и юношам, и девушкам, но смысл ска-

занного понятен для каждого по-своему. Если от мужчины требуют смелость, ловкость, готовность защитить свою честь и честь семьи, то от девушки требуется скромность, приветливость, заботливость, трудолюбие и многое другое. И самым главным было и остается до сих пор ее нравственное воспитание. “Честь девушки в народе сравнивали со стаканом, “как легко бьется стакан, также легко можно потерять девушке честь” (Дбар, 2000: 108).

Современный абхазский писатель Фазиль Искандер показывает абсурдность требований, предъявляемых к чести девушки. Ошибочно похищена не та девушка. И ситуация, в которую попадают герои, из комической может перейти в трагическую:

*“Вы меня опозорили на глазах у подруг,  
- возмущается девушка. - Да кто тебя опозорил?! - заорал Аслан... - Ты же видишь - ошибка!*

*Вы меня похитили, вы должны жениться,  
- резко отвечала девушка, - иначе мои братья перестреляют вас, как перепелок!”*

И действительно, за честь девушки, даже запятнанной таким странным образом, как случайное умыкание, могла пролиться кровь.

Эриксон, который выделяет восемь стадий психосоциального развития мужчин и женщин, утверждает, что “девочка “удерживает” свою идентичность в неопределенности, так как она готовится к тому, чтобы привлечь мужчину, чье имя она будет носить, статус которого будет определять ее статус, мужчину, который спасет ее от пустоты и одиночества, заполнив ее “внутренний мир” (Gilligan, 1982; Гиллиган, 2000: 174). Тогда как у мужчин “идентичность предшествует интимности (*intimacy*) и способности к воспроизводству (*generativity*), что соответствует оптимальному жизненному циклу”.

Выходит, что в то время, когда у мужчин параллельно развиваются способности к самостоятельности, к установлению и поддержанию близких отношений с другими, женщина познает себя “только по мере того, как ее узнают другие”.

Гендерная роль, навязанная женщине мужчинами в Старой Абхазии, подчеркивала их доминирование. Вместе с тем, как я постараюсь показать дальше, в ситуации нестабильности, войны и хаоса, в которую абхазское общество попало в годы Грузино-абхазского конфликта и последующей изоляции и блокады, те же самые качества ролевого поведения женщин станут определяющим фактором.



Жан Пиаже, а затем Жанет Левер, наблюдая за организацией и структурой детских игр, пришли к выводам, что *“мальчики чаще играют на улицах, они играют в игры, построенные на соревнованиях, игры мальчиков более продолжительны, чем игры девочек”*. Игры мальчиков длятся дольше не только потому, что они сложнее и требуют большей ловкости, но и потому, что в ходе игры мальчиков возникают часто ссоры (Gilligan, 1982; Гиллиган, 2000: 171).

Левер, описывая результаты своего исследования, *“исходит из допущения, что мужская модель поведения больше соответствует требованиям достижения корпоративного успеха, господствующим в современном обществе. Напротив, отзывчивость и забота о чувствах других, которые развиваются в играх девочек, обладают незначительной “рыночной стоимостью” и даже могут препятствовать профессиональному успеху”* (Gilligan, 1982; Гиллиган, 2000: 172).

Что считается сущностью мужского поведения? Это способность к независимому мышлению, к ответственным действиям, умение принимать решения. У мужчины есть право радоваться своему успеху, потому что он ориентирован *“на достижение определенного социального положения, а женщина - на личные отношения”*.

Женщины ситуациям конкуренции придают иной смысл, чем мужчины, а главное – у женщин другая реакция на достижение успеха. Мартина Хорнер (Horner, 1972), исследуя женщин, пришла к выводу, что *“беспокойство (anxiety), которое проявляют женщины по поводу достижения успеха в условиях конкуренции (competitive achievement)”*, можно считать отклонением от нормы. Хорнер обнаружила, что женщины *“боятся успеха”*, стремятся его избежать. Что *“достижение успеха в ситуации конкуренции ставит перед женщиной психологическую проблему. Эта проблема, видимо, обусловлена тем, что женщина чувствует конфликт между женственностью и успехом”*.

Но *“рыночная стоимость”* этих особенностей ролевого поведения женщины низка тогда, когда общество находится в относительно стабильном состоянии. Как нам кажется, в экстремальной ситуации войны и безвластия, когда *“правила игры”* перестают действовать, а общественные отношения стремятся к аномии, единственным средством, предохраняющим от хаоса, становится поведение, основанное на взаимопомощи, лично-теплом отношении к соседу, родственнику, близкому.

*“Место женщины в цикле жизни мужчины - кормить, заботиться, помогать, создавать сеть отношений, на которую она затем и полагается. Но пока женщины заботились о мужчинах, мужчины в создаваемых ими теориях психического развития и экономического устройства общества стремились либо подать эту заботу как должное, либо обесценить ее. Когда критерием зрелости личности считается индивидуация и индивидуальное достижение и зрелость приравнивается к личной независимости, то интерес к отношениям с другими людьми оказывается, скорее, проявлением женской слабости, чем силы личности”* (Miller, 1976; Gilligan, 1982; Гиллиган, 2000: 179).

## К женской экономике

Джоан Хубер (Huber, 1993; Хубер, 2000) разработала модель гендерной стратификации общества с учетом того, что происходит внутри домохозяйства, а также тех двух задач воспроизводства, решение которых не доступно мужчинам: рождения и грудного вскармливания детей. Она подчеркивает, что *“люди, производящие товары, имеют больше власти и престижа, чем те, кто потребляет”*. Несмотря на то, что мужчины и женщины способны на равных выполнять широкий спектр действий, фактор пола при разделении труда играет решающую роль. И если уж мужчина не может родить и выкормить грудью ребенка, а общество хочет выжить, то женщина должна рожать и выкармливать детей. Далее, работа, выполняемая женщиной, должна быть совместима с беременностью и лактацией. Наконец, в любом обществе наибольшая власть и престиж принадлежат людям, контролирующим распределение материальных ценностей за пределами семьи.

Используя марксистскую теорию, что эксплуатация женщин служит поддержанию патриархального порядка, Р. Коллинз доказывает, что мужчины присваивают труд женщины внутри семьи так же, как капиталисты присваивают труд пролетариата. Т.е. и капитализм, и патриархат поддерживаются неоплаченным домашним трудом (Collins, 1992; Коллинз, 2000).

По-разному в кавказоведческой литературе описывают трудовую занятость абхазской женщины. Одни утверждают, что абхазская женщина была избавлена от всех тяжелых работ: *“черная работа лежит на ахашалах (рабах), а если их нет, то на муже”*. Другие говорят совершенно обратное: *“абхазец смотрит на свою жену,*

как на работницу, на которую возлагает большую часть трудов по домашнему и даже полевому хозяйству». Не учитывая сословной принадлежности абхазки трудно говорить о ее трудовых обязанностях. Однако, одно несомненно - абхазцы никогда не относились к женщинам "...как к рабочему животному".

Абхазцы всегда относились к детям с любовью и заботой и старались по мере возможности не загружать их работой. Это относилось и к дочерям. Взрослея, они начинали принимать участие в домашних делах, но это не была тяжелая работа. После того, как девушка выходила замуж, обязанностей у нее становилось больше. Если девушка попадала в большую семью, где были старшие невестки и свекровь, то всю работу распределяла "старшая" женщина дома (*аен айхабы апхюс*).

Каждая из женщин выполняла ту работу, которую ей назначала старшая, "одна готовила пищу, другая ведала приготовлением молочных продуктов, третья – заготовкой продуктов впрок и т.д. Такие работы, как стирка и мытье полов, работа на ручной мельнице, просеивание муки, приготовление аджики (соль с перцем и пряностями) и работа на огороде, выполнялись невестками поочередно. Доставка воды также лежала на всех: каждая невестка должна была ежедневно приносить один-два кувшина воды". Занимались женщины также изготовлением одежды, седел, подпруги. В обязанности женщин входила выделка сафьяна, из которого шили обувь (грубую горную обувь делали мужчины), шерсти, абхазки разводили шелковичных червей, занимались ткачеством. В малых семьях женщина была сама в роли "старшей" или должна была считаться с указаниями свекрови. Это, с одной стороны, освобождало ее от эксплуатации старших членов семьи, но с другой - на ее долю выпадало значительно больше работы.

Так обстояло дело в крестьянских семьях. Женщины из княжеских и дворянских семей, конечно же, не были загружены работой. Домашним хозяйством руководила "старшая", она наблюдала за работой служанок, давала распоряжения. Невестки же занимались "выделкой галунов и поясов-очкуров, расшивали золотом и галунами платье и *айлаки*, следили за детьми и принимали гостей".

Женский труд в контексте изменяющихся экономических потребностей, а также взаимоотношения между работой вне дома и изменяющимися функциями семьи исследует Элис Кесслер-Хэррис в работе "Женский труд и социальный порядок" (Kessler-Harris, 1976; Кесслер-Хэррис, 2000: 173). Отвечая на вопросы,

почему женщины зарабатывают меньше мужчин, выполняют иные работы, как они связаны с тем, какую работу выполняют мужчины, Элис Кесслер-Хэррис использует марксистскую идею о промышленной резервной армии труда, которая может быть использована на рынке труда, когда в этом появится нужда, и отозвана с него, когда потребность в этом исчезнет.

С приходом советской власти формально было провозглашено полное равноправие между мужчиной и женщиной, но в действительности началась открытая экономическая эксплуатация. Это хорошо видно из работ советских этнографов, добросовестно веривших в коммунистическую идею, апологизирующих советскую власть, но вместе с тем приводящих факты, выглядящие сейчас совсем в другом свете. Один из таких примеров - работа Я. С. Смирновой, специалиста в области этнографии семьи у народов Северного Кавказа (Смирнова, 1955).

Коммунистическая партия декларировала права женщин, а на деле Советское правительство ставило своей задачей привлечь огромные массы женщин в социалистическое строительство и общественно-политическую жизнь. Руководители государства (Ленин, Сталин и т.д.) видели в женщинах в первую очередь рабочую силу. Сталин говорил: *"Трудящиеся женщины, работницы и крестьянки, являются величайшим резервом рабочего класса... Будет ли женский резерв за рабочий класс или против него, - от этого зависит судьба пролетарского движения... Они могут и должны стать - при правильной политике рабочего класса - настоящей армией рабочего класса, действующей против буржуазии. Выковать из женского трудового резерва армию работниц и крестьянок... - в этом вторая и решающая задача рабочего класса"*. И еще одно высказывание Сталина, которое достаточно ярко отражает место и роль, выделенные властями женщине. *"Женщины в колхозах - большая сила. Держать эту силу под спудом, значит, допустить преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы выдвигать вперед женщин в колхозах и пустить эту силу в дело"*. Из "темной и невежественной, опутанной густой сетью вековых традиций и предрассудков" абхазская женщина должна была стать "величайшим резервом рабочего класса" (Сталин И. В. Соч., т. 7, с. 48-49; Смирнова, 1955: 155).

Но для этого ее надо соответственно подготовить. Для Абхазии идея вовлечения женщин в строительство социалистического общества и использование женского труда в этом "строительстве" была достаточно неожиданной. А

главное, сами абхазки не готовы были принять и последовать за уже подготовленной и отвоеванной российскими женщинами свободой. Они не боролись за эмансипацию и еще не знали, что с ней делать.

Не так-то легко было поколебать устой абхазского общества, где женщина рассматривалась в первую очередь как мать и хранительница домашнего очага. Еще более важной для окружения, как в семье, так и в обществе, была ее способность к деторождению. Чтобы убедить абхазское общество, причем в первую очередь женщин, оставить свои семьи, детей, домашнее хозяйство для того, чтобы работать на государство, правительству приходилось прибегать к различным способам.

В 1929 году в Абхазии образовалась Комиссия по улучшению труда и быта трудящихся женщин. Что входило в задачи Комиссии? Создание сельскохозяйственных коммун и артелей, мастерских, курсов по повышению квалификации, яслей, домов матери и ребенка. Специальную работу среди женской части населения взял в свои руки Комитет труженицы. Комитет просуществовал до 1938 года. Его сотрудницы боролись за улучшение трудовых и бытовых условий городских и сельских жительниц. Велась просветительская и культурная работа среди женщин. Создавались женотделы. Правительство делало все возможное, чтобы под красивым лозунгом освобождения женщин от порабощения еще больше ее эксплуатировать. Создавая законы, касающиеся положения женщин в семье, в частности законы о браке, разводах, алиментах, государство пыталось освободить женщину от влияния семьи и обычаев с тем, чтобы “вовлечь женщину в социалистическое строительство”.

В 1929 году был издан циркуляр, где предписывалось как можно полнее и всестороннее использовать женскую рабочую силу. Комиссия по улучшению труда и быта трудящихся женщин проводила обследование работы секций местных советов. Комиссия выяснила, что значительная часть абхазских женщин не является сторонницами вовлечения их в сельскохозяйственное производство, да и в общественно-политическую жизнь тоже. В некоторых селах многие женщины протестовали против вступления в колхоз. Незамедлительно были приняты меры по улучшению просветительской работы среди абхазских женщин. Женотделам давались рекомендации по созданию групп беднячек, батрачек и середнячек с помощью делегатских женских собраний. Вести среди них культурно-просветительскую работу, организовывать пункты ликвидации неграмотности, политкружков, читки газет и т.д.

В 1935-1936 гг. темпы коллективизации возросли настолько, что охватили почти всю Абхазию. Индустриализация страны требовала привлечения более широких масс, и необходимость в женском труде возросла. Советская власть старалась втянуть женщин в производство и поэтому всячески способствовала тому, чтобы женщины получали образование, могли чувствовать себя полноправными, но полноправными настолько, насколько позволят им мужчины.

Многие женщины получили техническое и высшее образование. Значительная часть инженеров, агрономов, врачей, педагогов-женщин работали в селах и городах Абхазии. К 1937 году насчитывалось 775 женщин-педагогов, 131 женщина-врач, 167 акушерок и фельдшерниц, 370 медицинских сестер (Смирнова, 1955: 168).

Все это привело к тому, что некоторые обычаи стали менее строго соблюдаться. Право появляться с мужем перед свекровью молодая теперь стала получать уже через год после появления ребенка, срок “избегания” свекрови сократился до месяца, с братьями мужа, а также с ним самим невестка начала разговаривать через два-три месяца. Однако начинать разговаривать с мужем перед свекровью можно было все равно не раньше чем через три-четыре года. Более строго продолжала соблюдать молодая невестка разговорные и другие запреты по отношению к свекру. Для женщин с высшим образованием срок различного рода запретов почти всегда сокращался еще более.

Помимо основной работы в колхозе или на производстве на женщине по-прежнему лежал уход за детьми, уборка дома, приготовление пищи, работа на собственном огороде. И хоть в сезон основной полевой работы в колхозах открывались ясли, многие матери старались не оставлять там своих детей. Уход за маленькими детьми всегда был обязанностью абхазской матери. Однако в советское время по истечении декретного отпуска молодая мать должна была выйти на работу, а за ребенком смотрела свекровь или другие женщины семьи. Мать же могла ухаживать за ребенком только в свободное от работы время. Жизнь абхазской женщины от этого стала только сложнее.

Особую роль имел женский труд в годы Второй мировой войны. Женщин выбирали звеньевыми, бригадирами в колхозе, мастерами на фабриках. Однако мужчины не спешили уравнивать права женщин. Отношение к женщине по-прежнему было потребительское.

И женщин, работающих в качестве мастеров или бригадиров, было не так уж и много. В 1941-45 гг. они заменили мужчин, ушедших на войну, и справлялись с мужской работой, проявив свои организаторские способности.

Моя мама работала во время и сразу после войны бригадиром в колхозе. У нее было уже трое детей, младшему ребенку исполнилось несколько месяцев, но маме пришлось оставлять детей с посторонней женщиной, т.к. в семье не было ни старших женщин, ни взрослых дочерей, и идти на работу. Особого энтузиазма работа не вызывала, ведь женщине, помимо колхозной повинности, надо было выполнять и домашние обязанности. Женщины уставали, им была непривычна такая физическая нагрузка. Не пойти на работу или опоздать было очень опасно. Советская власть строго следила за порядком и никого не волновала участь брошенных детей.

Но в послевоенные годы женщин, занимающих руководящие должности, сменили мужчины.

Абхазские женщины с трудом овладевали навыками работы на чайных и табачных плантациях. Для того чтобы заинтересовать женщин в работе, в увеличении показателей, были введены трудодни. Лучших работниц награждали премиями и похвальными грамотами. Стали появляться женщины-новаторы, которые положили начало движению передовиков-чаеводов и табаководов. Работая наравне с мужчинами, женщины зарабатывали ежегодно помногу сотен трудодней, в равной мере увеличивая благосостояние семьи.

Теперь уже они не только наравне с мужчинами, но и гораздо больше их работали на кукурузных полях, чайных и табачных плантациях. Стали появляться женщины и на животноводческих фермах. Женщин можно было увидеть в садах, на цитрусовых плантациях, на виноградниках. Развивалось шелководство, как и прежде, это было преимущественно женское дело. Так в колхозах основной рабочей силой стали женщины.

Развитие индустриализации привело женщин на фабрики и заводы. И в этом случае на плечи женщин легла двойная нагрузка - она продолжает нести на себе функцию матери, "которая многократно усложнилась", и функцию труженика, способного материально поддержать семью. У Фазила Искандера находим: "А сестра жила легко, хотя и нелегкой жизнью. Имея свою зарплату учительницы и зарплату мужа, инженера-физика, она все-таки вечно держала учеников - денег не хватало, жизнь в курортном

городе особенно дорога" (Искандер, 1986: 213). В большинстве советских семей зарплаты мужа было недостаточно, и женщины поддерживали семью своей заработной платой.

Эмансипация в такой форме позволила женщинам "проявить себя и добиться успехов" в мире, где мужчины не распоряжались: в таких чисто женских отраслях промышленности, как текстильная, швейная, пищевая, а также в сфере обслуживания. С изменениями в экономике увеличилось количество рабочих мест для женщин: служащих в конторах, продавщиц в магазинах. Сугубо женской стала профессия учительницы. Появились женщины ученые.

В годы советской власти в Абхазии был открыт театр. Женщины появились на сцене, но специальность актрисы не была престижной, и даже, наоборот, считалась неподходящей для порядочной девушки. И это отношение к сцене не претерпело изменений и в современной Абхазии.

Однако, если на Западе и в России эмансипация означала для женщины не только получение общественного признания в делах, не противоречивших традиционным представлениям о женственности (писательницы, актрисы), но и проникновение женщин в сферы сугубо мужских видов деятельности (политика, бизнес), то в Абхазии женщинам был закрыт доступ во все такие сферы деятельности.

Появились, но не так много, женщины-журналисты, юристы (в основном адвокаты). Однако в политике, экономике, а также в литературной деятельности господствовали мужчины. И хотя вроде бы все было направлено на то, чтобы общество относилось к женщинам так же, как к мужчинам, чтобы женщина могла принимать участие в общественных делах как личность, этого не произошло.

Не изменилась ситуация и после распада СССР и реформ начала 90-х годов в России. Грузия покинула Союз, Абхазия вышла из состава Грузии. Прежнее законодательство уже не действует в Республике Абхазия, а своих законов о роли женщины в обществе принято не было. Формально женщины имеют равные права и возможности с мужчинами, но совершенно очевидно "*проявление гендерной асимметрии в сфере труда и занятости*" (Айвазова, 2001: 55). Конфликт между Грузией и Абхазией привел к тому, что абхазская женщина вновь берет на себя роль только "матери и труженицы".

Реальная жизнь абхазских женщин далека от идеалов равноправия. Начиная со времени первой Чеченской кампании и до 1998 года, си-

туацию в Абхазии можно охарактеризовать как гипертрофированное увеличение женской роли в экономической жизни страны. Внешняя блокада сделала невозможным почти любое передвижение абхазских мужчин за пределы Абхазии. Их сестры и жены стали главными торговцами и мигрантами в Россию. О масштабе этого явления говорит следующий факт, что в “мандариновый сезон” число людей (женщин и детей), ежедневно пересекающих в обе стороны российско-абхазскую границу (пост Псоу), достигало в это время 12 тысяч. Это при общей численности абхазов приблизительно в 100 тысяч человек, т. е. каждые 4-5 дней все абхазки пускались в Россию на заработки и возвращались домой к своим мужьям.

Женщине позволено работать, заниматься так называемым “предпринимательством” (вывозить фрукты и овощи за пределы Абхазии и там их продавать), открывать небольшие продуктовые лавки в самой Абхазии, т.е. заниматься мелким бизнесом, работать на полях и в огородах. Женщинам с высшим образованием позволено работать в школах, университетах, заниматься наукой, работать в больницах. Мужчины не вытесняют женщин с тяжелых и низкооплачиваемых производств. Однако в сфере политики, управления государством, в банковском деле, в большом бизнесе, в гостиничном хозяйстве женщину можно увидеть только в роли секретарши или в лучшем случае младшего сотрудника или администратора. Большая редкость в Абхазии женщина-писатель. “Гендерная асимметрия” в этих сферах деятельности особенно очевидна.

### **Изменения в манере одеваться (развитие стратегий самопрезентации)**

Гейл Рубин пишет, что *“гендер - разделение по половому признаку, обусловленное социально... Выстроенная на взаимоисключении гендерная идентичность не только не выражает естественного различия, но и подавляет любое естественное сходство двух полов. Она требует сдерживания у мужчин любого локального проявления “фемининных” черт и у женщин - “маскулинных”. Разделение полов ведет к подавлению личностных черт каждого человека: и мужчин, и женщин”* (Rubin, 1975; Рубин, 2000: 109).

Одна из самых наглядных демонстраций этого - закрепление половых различий в одежде. С точки зрения Рэндалла Коллинза такая важная черта внешнего вида женщины, как сексуальность, может быть собственностью, функционирование которой регламентируется мужчинами. В обществе, где мужчины доминируют, то же

самое проявляется и в одежде (Collins, 1992; Коллинз, 2000).

Одежда любого человеческого коллектива, несомненно, является системой, что неоднократно отмечалось и постоянно подтверждается чисто эмпирически (например, переход от традиционной этнически маркированной культуры к урбанизированной интернациональной сопровождается отказом от прежнего костюма в основном одноактно, а не отдельными порциями) (Кузнецов, 1995: 26).

Системообразующие элементы комплекса одежды включают в себя ядро, т. е. собственно одежду, наиболее полно выражающую вещевую и знаковую сущность комплекса, а также ряд других периферийных элементов культуры, тесно связанных и опирающихся на это ядро. Ими будут украшения и части тела (волосы, лицо, зубы), подвергаемые культурному освоению средствами косметики, различными деформациями и т. д. (Кузнецов, 1995: 26).

Двойственная вещественно-знаковая природа одежды является источником ее полифункциональности. Преимущественно вещественными функциями будут функция сезонной сменяемости, производственная (“профессиональная”); преимущественно знаковыми - функции половой и возрастной стратификации, сословной принадлежности, имущественных различий, будничная, праздничная, ритуальная, мифологическая, эротическая, престижная и т. д.

Функция половой стратификации по сравнению с другими функциями наиболее очевидна. Многие знаки одного пола, особенно в женском костюмном комплексе, воспринимаются противоположным полом с оттенком эротики (грудные вырезы, подчеркивание талии и др.) (Кузнецов, 1995: 41). Знаки возрастных статусов могут одновременно указывать на общественное положение, выполнение общинной морали. Девичий традиционный костюмный комплекс подразумевает, что его обладательница удовлетворяет требованиям половой морали, женский традиционный костюмный комплекс ассоциируется с потерей девственности (Кузнецов, 1995: 44-45).

В конце XIX - начале XX вв. традиционный женский костюм представлял в Абхазии довольно сложное переплетение древних и более поздних видов одежды. Основные части костюма, выработанные веками, сохранились в среде крестьян вплоть до 20-30-х годов XX в.

Женская одежда состояла из следующих основных частей: платья, кафтанчика длинного, либо кафтанчика короткого, рубахи, двух “ниж-

них юбок», штанов, различного рода головных уборов: косынки, шали или платка, а в прошлом – шапки. На ноги надевали чулки, постолы из сыромятной кожи, либо сафьяна, сапожки, позже – туфли на каблуке (Малия, Акаба, 1982: 65-66).

Наиболее распространенный вид одежды, фиксируемый по всей Абхазии, это распашное платье с прямым вертикальным разрезом от ворота до подола. Лиф платья был облегающий с глубоким клинообразным вырезом на груди. Юбка – широкая, расклешенная, длиной до пят. В талии платье застегивалось на пуговицы и стягивалось поясом. Праздничные платья имели втачные узкие до локтя рукава. Ниже локтя они были незащитыми, широкими, трапециевидной формы. Платье одевалось поверх рубахи с колоколообразными рукавами. Впереди имелся довольно широко распашнутый разрез платья, и были видны подол и ворот рубахи, а из-под разрезного широкого рукава – такой же широкий, колоколообразный рукав рубахи.

Было также распространено отрезное в талии не распашное платье с глухим воротом и воротником стойкой. Такого типа платье носили как повседневный костюм девушки и молодые женщины-абхазки.

Наряду с указанными выше видами верхней одежды имели место и составные платья. Такие платья с нагрудными вставками одевались абхазками в конце XIX- начала XX вв.

Независимо от кроя указанные выше виды платьев стягивались в талии различного рода поясами. Пояса состоятельных абхазок были серебряными либо позолоченными с цельными, либо ажурными продолговатой формы пряжками впереди. В быту пользовались поясами, изготовленными из узорно вырезанных костяных пластинок, соединенных кольцами в цепь.

Пояса для повседневного платья были матерчатыми, узкими в 1,5 - 2 см шириной. Такие пояса изготавливались из того же материала, что и платье (Малия, Акаба, 1982: 68-69).

Кафтанчик – традиционный вид верхней одежды абхазской женщины. Существовало два вида кафтанчиков, различающихся по крою и способу одевания. Первый тип кафтанчика – аналогичный по крою мужскому бешмету, который одевался поверх платья. Он плотно облегал грудь до талии, а ниже был слегка расклешен.

Короткий кафтанчик – также, как и длинный, плотно охватывал грудь, но шился длиной немного ниже талии. Он был с прямым разрезом впереди, скрепленным пуговицами. Одевался он под распашное платье поверх рубахи (Малия, Акаба, 1982: 70-71).

Безрукавка плотно прилегала к фигуре и подчеркивала линию талии. В конце XIX - начале XX вв. безрукавка фиксируется как верхняя одежда абхазской женщины (Малия, Акаба, 1982: 72). Наряду с безрукавкой абхазка надевала на тело лиф в виде прямоугольного куска ткани (полотна, бязи, ситца), а в прошлом – и куска мягкой кожи – сафьяна с застежкой впереди. Одевала лиф девочка 9-12 лет в период полового созревания и так носила вплоть до замужества. Позже он заменялся лифом более свободного покроя, надо полагать, безрукавкой (Малия, Акаба, 1982: 72). Интересен тот факт, что считалось красивым, когда женская грудь была плоской. Поэтому лиф должен был очень плотно стягивать грудь молодой женщины.

Рубаха-платье *ахарп* и длинные до щиколотки штаны *аикуа* являлись и верхней, и нижней одеждой абхазки.

Выделялось два типа женских штанов. Первый тип был схож по покрою с мужскими штанами. В поясе штаны собирались тесьмой в сборку. Книзу штанины были сужены, с пришитыми в конце штрипками. 85-летняя Назиа Акаба из города Ткварчели рассказывает, что поверх штанов со штрипками, похожими на мужские, абхазка одевала чулки. Штаны не должны были быть видны из-под платья, поскольку это считалось позором (Малия, Акаба, 1982: 83).

Вторым типом женских штанов, имевших повсеместное распространение, были шаровары, сшитые из двух цельных кусков материи во всю ее ширину, присборенные в поясе и у щиколотки ног тесьмой. 100-летняя Камсаса Куакуаловна Бердзения рассказывает, что в пору своей молодости она одевала длинное со шлейфом платье и длинные, суженные у щиколотки, штаны со штрипками. Штаны, кто хотел, заправлял в чулки. Некоторые носили так, без чулок. Такие штаны одевали и девушки, и старухи.

Другой разновидностью длинных шаровар были женские штаны прямого покроя, типа современных брюк. По словам Зизи Зафисовны Агрба, 90 лет, девушка не должна была появляться в обществе с непокрытой головой и также с «голыми» ногами.

Носили абхазки две юбки, надевавшие поверх рубахи. Одна из них, так называемая «нижняя», шилась из ситца, бязи. Цвет ее всегда белый. Поверх белой юбки надевалась еще одна «верхняя» из более дорогого шелка, парчи и другой однотипных цветов материи.

Передник также являлся еще недавно необходимым элементом домашней одежды абхазки преклонного возраста. Носился передник поверх юбки и был немного короче последней.

Традиционная женская обувь, как уже отмечалось, была представлена чувьяками из сафьяна либо чувьяками из сыромятной кожи. Крой женской кожаной обуви был идентичен крою мужской обуви, за исключением незначительных деталей (Малия, Акаба, 1982: 87).

Существование специального свадебного наряда невесты этнографическим материалом не фиксируется. Исключительной особенностью костюма невесты является большой свадебный шарф *атаца касы*, что значит буквально - платок невесты, большой платок, который и покрывал ее с головы до ног. Этот платок невеста получала от своих родителей и покрывалась им, когда отправлялась вместе со свадебной свитой в дом жениха.

На свадьбе в доме жениха происходила смена девичьего костюма на женский костюм, отличавшийся некоторыми деталями покроя и особенно длиной. После свадьбы большой свадебный шарф прятался и никому не передавался. Обильно украшали свадебный костюм различного рода съёмными украшениями: золотыми кольцами, золотым или серебряным браслетом, серьгами, кулонами, а позже - золотыми часами. Все это невеста получала в дар на свадьбе, а также от жениха во время сватания. В остальном костюм жениха и невесты не отличался от обычного.

Траурное платье обязательно черного цвета шивалось в плечах из двух полотнищ ткани с круглым вырезом на шее и небольшим разрезом на груди, завязывающимся на 2-3 пары тесемок, пришитых к его краям. По крою такое платье было цельнокроеным. Рукав длинный, прямой разрывался либо разрезался у запястья в бахрому. Подол платья также, как и траурная налобная лента, были не зашиты и также разрывались в бахрому. Наряду с траурным платьем пожилые женщины надевали и сейчас надевают прямую юбку и кофту (Малия, Акаба, 1982: 103).

Несмотря на отчетливо выраженную специфику женского костюма, гендерные различия в традиционной одежде абхазов выглядят еще не такими четкими, как в Европе или России. Как я говорила выше, в традиционный костюм абхазки входили шаровары, которые шились по тому же принципу, что и мужские. Крой женской обуви был идентичен мужской обуви. Чувьяки шились из того же материала, что и для мужчин (сафьян или сыромятная кожа). Затягивание бюста тугим корсетом, уплощение груди - еще одно нарушение половых различий.

Женщины в Старой Абхазии обязаны были уметь ездить верхом. Они пользовались женским

седлом, но часто можно было встретить абхазку верхом на коне, сидящую на мужском седле и одетую в мужскую одежду. Абхазская женщина, в отличие от мужчины, не боится нарушить библейский завет, гласящий: *“На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчины не должны одеваться в женское платье; ибо мерзок перед Господом Богом твоим всякий, делающий сие”* (Второзаконие, 22:5) (Rubin, 1975; Рубин, 2000: 109).

Женщинам в Абхазии, конечно же, не разрешалось курить, но по непонятным причинам почти в каждой деревне встречаются пожилые женщины (их немного, одна-две), которые курят, и никто их за это не осуждает. Есть подтверждение тому и среди литературных образов:

*“Она взяла со скамейки, стоящей рядом, трубку с длинным мундштуком и, когда внук принес из кухни небольшую головешку, прикурила от нее и, с удовольствием распрямив спину, потягивая дым, оглядела двор”* (Искандер, 1986: 176).

В колониальный период, в связи с развитием капиталистических отношений и торговли, ввозом фабричных тканей и готовых изделий, ростом прослойки национальной интеллигенции, начался процесс сближения абхазского костюма с общеевропейской модой, изменился и сам женский костюм.

В конце XIX в. рубаха-платье перестает осмысляться как верхняя одежда и начинает использоваться лишь как белье (Малия, Акаба, 1982: 82). Шаровары также становятся нательным видом одежды - женщины прикрыли их юбкой. В начале XX в. под влиянием европейской моды юбки стали входить в состав верхней одежды абхазской женщины (Малия, Акаба, 1982: 85). В комплекс костюма наездницы-абхазки входила длинная до пят юбка, известная здесь под названием “амазонки”.

В 20-30-е годы XX в. безрукавки стали использоваться в качестве лиффов. Их начали носить под платьем, но поверх рубашки.

Наибольшему изменению подверглось платье. Платье типа черкески, приспособившись к европейской моде, стало восприниматься как легкое сезонное пальто (Малия, Акаба, 1982: 98).

Фартуки же сохранились только в удаленных селах. В настоящее время их используют там девушки и молодые женщины, когда прислуживают за трапезным столом. Также ими одаривают на свадьбах молодых женщин, принимавших участие в подготовке и обслуживании свадебного стола (Малия, Акаба, 1982: 86).

В целом 20-30-е гг. 20-го столетия характеризовались еще более значительной трансформацией женского костюма и распространением проникших извне элементов. Самый распространенный теперь тип костюмного комплекса, представленный “юбкой и кофтой”, проник в Абхазию под влиянием городской моды. Он, видимо, был заимствован от русских (Маляя, Акаба, 1982: 99).

В 50-е годы, по данным информантов, одежда абхазок продолжала меняться. Она уже мало чем отличалась от европейской, и лишь характерные способы ношения, подбор цветов, тканей еще связывали одежду пожилых абхазок с традиционной. Однако мужская одежда, особенно у людей пожилого возраста, до сих пор сохранила традиционные элементы (например, сапоги, папахи, брюки-галифе, иногда бурки).

Эмансипация женщин отразилась в первую очередь именно в одежде. В одежде выражается их самопрезентация. На смену традиционным платьям приходят костюмы. Укорачивается длина юбок, увеличивается декольте, блузки шьются из прозрачных тканей. Меняется не только фасон платьев и костюмов, но и ткани, из которых их шьют. Они более ярких расцветок, качественнее.

Уже к концу 60-х годов становится престижным не шить, а покупать готовые вещи. Мои старшие сестры, которым в это время было по 18-20 лет, одевались у спекулянтов. Их наряды полностью соответствовали нарядам из журналов мод. Я помню, с какой завистью я и мои подруги смотрели на новые лаковые, как нам казалось из настоящей змеиной кожи, сапоги моей сестры на высоком каблучке и платье-пальто с меховым воротником. Наряд дополняла маленькая лаковая сумочка. Изысканное импортное нижнее белье сменяет более простое и грубое белье местных или российских производителей. Появились тонкие кружевные комбинации, воздушные капроновые чулки, необычной красоты бюстгалтеры.

В 1980 годы, когда уже я ходила в джинсах, к моей маме приходили соседки и говорили ей, что девушка не должна носить брюки: “Она же не мужчина”. Они пытались объяснить моей маме, что для девушки самое важное - это честь. А в брюках моя честь и скромность могла быть поставлена под сомнение. И когда мама пыталась им объяснить, что от одежды, брюки ли это, юбка ли, нравственность не зависит, они ее просто не понимали. Их не устраивали ни мои короткие юбки, ни затем длинные, т.к. это были модные вещи. Нельзя было мне ходить и

с распущенными волосами, потому что абхазки распускают волосы, когда оплакивают близких покойников.

Так как моя семья была смешанной, папа грузин, а мама абхазка, то нас воспитывали больше в грузинском духе, а это значит, мы были более свободны, папа ориентировал нас на то, что женщина обязательно должна иметь высшее образование, чтобы не зависеть ни от мужа, ни от жизненных ситуаций. И мы были более свободны в выборе одежды, мы следовали моде, за что наши соседки часто ругали и нас. Мы должны были стыдиться показывать свое тело или его силуэты в слишком обтягивающих вещах, коротких юбках, обтягивающих джинсах.

Конечно же, такая манера одеваться не была характерна для всех слоев абхазского общества, а также для всех возрастных групп. В деревнях одевались проще, довольствовались одеждой собственных или же российских предприятий, но в городах одежда стала основным элементом, показывающим эмансипацию женщин. Запреты на одежду распространялись меньше, чем на все остальные социальные аспекты. Почти не изменилась пища, сохранились обычаи и ритуалы, например такие, как избегание или умыкание невесты, но внешний вид женщины изменился существенно.

Особенно ярко это выражено было в свадебном наряде. Если, как я говорила выше, раньше свадебный наряд невесты состоял из свадебной шали, то уже с 50-60-х годов это - пышное европейское платье, и лишь вместо фаты невесту по-прежнему накрывали свадебной шалью. Свадебные платья в основном шили в ателье или у портних, т.к. специализированных магазинов не было, и лишь самые богатые могли позволить себе заказать платье в Москве или других крупных городах России. Сейчас, в послевоенной Абхазии, ситуация такая же. Портных почти нет, свадебное платье можно купить только в России.

Меньше изменений произошло в траурном костюме. Когда в 1977 году умер мой отец, моим сестрам и маме сшили траурные платья из простой ткани. Платья шила соседка, фасон был очень прост: вырез под горло, длинные рукава. Платье подпоясывалось тонким ремешком из той же ткани. Голову покрывали черным платком, на ноги надевали черные чулки. Это траурное платье должны были носить 40 дней. После 40 дней эти платья сожгли, теперь можно было носить обычные вещи, но они непременно должны были быть черными. Платок и чулки тоже носили до года только черные. Помимо траурной



Таблица 1. Изменения в одежде трех возрастных групп (по фотографиям).

	1920-30-е гг.			1940-50-е гг.			1960-70-е гг.			1980-90-е гг.			2000-01-е гг.		
	девушка	замужняя	пожилая	девушка	замужняя	пожилая	девушка	замужняя	пожилая	девушка	замужняя	пожилая	девушка	замужняя	пожилая
<b>Компоненты традиционного костюма</b>	-	-		-	-	-	-	-	+	-	-	-			
<b>Сшитая дома</b>	+	+		-	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	
<b>Фабричная</b>	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
<b>Декольте платья:</b>															
под горловину	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
декольте	+	+		+			+	+	-	+	+	-	+	+	
глубокое декольте	-	-		-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-	
<b>Рукава платья:</b>															
до кисти	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
по локоть или выше	+	+		-	-	-	+	+	-	+	+	-	+	+	
без рукавов	-	-		-	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	
тонкие бретельки	-	-		-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	
<b>Длина юбки:</b>															
по щиколотку	-	+		+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	
до середины икр	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	
по колено	+	-		+	-	-	+	+	-	+	+	-	+	+	
выше колена	-	-		-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	
<b>Головные уборы, прически:</b>															
голова покрыта	-	-		-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	
волосы собраны в пучок, косы	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	
распущенные волосы	-	-		-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	
стрижка	+	-		-	-	-	+	-	-	+	+	-	+	+	
короткая стрижка	-	-		-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-	
<b>Макияж:</b>															
умеренный, легкий	-	-		-	-	-	-	+	-	+	+	-	+	+	
интенсивный	-	-		-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	
<b>Обувь:</b>															
низкий каблук	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
высокий каблук	-	-		-	-	-	-	+	-	+	+	-	+	-	
<b>Украшения</b>	+	-		+	-	-	+	+	-	+	+	-	+	+	

одежды женщина должна была соблюдать еще много других запретов. Она не должна посещать свадьбы, ходить в кино, на концерты, женщина в трауре не могла выйти замуж, даже если уже был назначен день свадьбы. Тогда как мужчина мог жениться, не дожидаясь окончания обязательного годовичного траура.

В послевоенной Абхазии 90-х годов внешний вид женщины опять изменился существенно. Когда я сейчас приезжаю в Абхазию, меня поражает та смелость в костюмах современных абхазских девушек и манера общения их со сверстниками-юношами, которую я наблюдаю.

Наша свобода в 70-80-е годы заключалась в основном в одежде. Мы почти не пользовались декоративной косметикой, конечно же, не курили и почти не пили спиртные напитки. Было просто неприлично, если девушка выпивала что-либо более крепкое, чем шампанское или ликер.

Если до грузино-абхазского конфликта только городские девушки позволяли себе надеть брюки, то теперь это нормально для любой деревни. Девушки носят и очень короткие юбки, и шорты (их никогда в Абхазии не носили, разве что дети), открытые майки, прозрачные платья. Нарушен еще один запрет, который был

Таблица 2. Изменения в одежде двух социальных классов (по фотографиям).

	1920-30-е гг.		1940-50-е гг.		1960-70-е гг.		1980-90-е гг.		2000-01-е гг.	
	бедные	состоятельные	бедные	состоятельные	бедные	состоятельные	бедные	состоятельные	бедные	состоятельные
<b>Компоненты традиционного костюма</b>	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
<b>Сшитая дома</b>	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
<b>Фабричная</b>	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
<b>Декорльте платья:</b>										
под горловину	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
декольте	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
глубокое декольте	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
<b>Рукава платья:</b>										
до кисти	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
по локоть	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
без рукавов	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+
тонкие бретельки	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
<b>Длина юбки:</b>										
по щиколотку	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
до середины икр	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
по колено	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
выше колена	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
<b>Головные уборы, прически:</b>										
голова покрыта	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
волосы собраны в пучок, косы	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
распущенные волосы	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
стрижка	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+
короткая стрижка	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
<b>Макияж:</b>										
умеренный, легкий	-	+	-	+	-	+	+	+	+	+
интенсивный	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
<b>Обувь:</b>										
низкий каблук	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
высокий каблук	-	-	-	+	-	+	+	+	+	+
<b>Украшения</b>	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+

настолько обязательным, что о нем даже и не говорилось - это ношение бюстгалтеров. Современные девушки уже не стесняются ходить без них в общественных местах.

Траурная же одежда стала больше похожа на маленькое черное вечернее платье. Девушки и молодые женщины оставили только один элемент траурной одежды неизменным - это черный цвет. Летом 2001 года находясь в Абхазии, я встретила с молодыми женщинами, которые носили траур по своему родному брату, который умер молодым. Обычно, когда умирают молодые, то близкие родственники носят самый глубокий

траур, мать покойного может носить траур всю свою жизнь. Эти же женщины были в черных брюках и, я бы сказала, в достаточно смело открытых блузках. Они были покрашены так, как если бы никакого траура у них не было. Объяснение их внешнего вида было для меня неожиданным: "Если трауром мы смогли бы вернуть нашего брата, то мы носили бы его всю жизнь". Пожилые женщины часто также отказываются от ношения траурных одежд, объясняя это тем, что нехорошо для семьи, если долго носишь черное. Некоторые утверждают, что траурные черные вещи плохо влияют на их самочувствие.

Еще один признак внешней эмансипации абхазок выразился в получении возможности более свободного общения с мужчинами. Однако более свободное поведение в массе пока не способствует сексуальному раскрепощению женщин. Свобода в одежде не означает свободу в сексуальном поведении. Секс без брака не был принят большинством девушек, хотя их внешний вид и свободное поведение могли подразумевать и свободу в сексуальном поведении.

Нынешнее послевоенное поколение абхазских девушек и молодых женщин демонстративно использует декоративную косметику. Они стали смело выставлять напоказ разные части тела. Абхазка в короткой юбке или открытом платье не является теперь предметом обсуждений. Но, видимо, это еще только первые признаки свободы. *“Представители старшего поколения - отцы, мужья и другие хранители традиций и патриархальной власти - уже ничего не могли с этим поделать! Возможно, это были проявления новых настроений женщин, желавших сочетать в одежде и во внешности требования удобства, раскованности и элегантности, подобные тем, с которыми выступала в XX веке Коко Шанель, предложившая свою знаменитую “очень короткую черную юбочку”, имевшую ошеломительный успех. Но об этом можно только гадать. Здесь ясно одно: эмансипированная мода содержала разнородные элементы и признаки, имевшие иногда прямо противоположное назначение”* (Hobsbawm, 1987; Хобсбаум, 1999: 320).

Собранная мною коллекция фотографий принадлежит в основном двум семейным архивам (Мамасакхлиси-Дбар, Маргания), владельцы которых связаны родственными узами. Поэтому материал представляет собой определенное единство, что исключает случайность отмечаемых закономерностей. Годы, к которым относятся фотографии, - это 1920-е - 2001. Фотографии сделаны в основном не в студии, однако, и не в домашних условиях. Фотоателье в Абхазии появились только в конце XIX - начале XX вв. и то только в столице. Фотографы-любители также для традиционной Абхазии редкость. Поэтому фотография – это целое событие для абхазки 1920-60 гг. Видно, что люди специально одевались в выходные одежды и запечатлевали какие-либо события из своей жизни.

Собранные фотографии в основном подтверждают информацию, полученную от информантов, и позволяют датировать переход от старого традиционного костюма (и образа жизни) к новому. Видно, что слом многих за-

претов происходит в революционные 1920-е – 1930-е годы. Дальнейшая эмансипация женщины в одежде идет уже по нарастающей. Также видно, что уже после 1930-х годов абхазки одеваются в соответствии с меняющейся в России, да и в мире модой.

Еще один вывод: пожилые женщины и женщины из бедных более консервативны в одежде в этот период. Векания моды отражаются в их одежде достаточно скромно, тогда как богатые и позже молодые усваивают их быстрее.

В последние годы различия в одежде разных возрастных групп еще контрастнее. Молодежь принимает моду, приходящую к ним из России и Европы, хотя и внося в нее какие-то свои поправки. Люди постарше консервативны и если они и следуют моде, то в основном классической.

Если судить по фотографиям, то из старых запретов для молодежи не осталось никаких, для замужних же и пожилых - это ношение брюк, очень открытых или коротких вещей, а также яркий макияж.

Несмотря на блокаду 1990-х годов, в связи с грузино-абхазским конфликтом, а также попытку абхазского мужского общества ужесточить “традиционные” формы жизни, в женской моде не прослеживается никакого отката назад. Можно, наоборот, отметить, что эмансипация в одежде даже усилилась.

### **Когда женщины заявят о себе? (писатели, ученые, женские организации)**

“Вторжение женщин в мир мужчин” не принесло в Абхазии тех побед, которые мы наблюдаем в западном обществе. Учитывая малочисленность женщин, наступающих на мир мужчин, можно сказать, что эмансипация еще не привела к отказу от традиционных форм отношений между обоими гендерами.

Если в экономике женщины выдвинулись на передовое место, то идеология по-прежнему обслуживает власть мужчин. В СМИ и литературе женщине отводятся две почетные роли - труженицы и матери. Художественная литература Абхазии представлена в основном писателями-мужчинами: Д. Гулия, Б. Шинкуба, Г. Гулия, Ф. Искандер, Папаскири и др. С момента оформления профессиональной абхазской литературы и до сих пор в своих произведениях мужчины-писатели продолжают продуцировать женские образы в духе традиции.

Сложившийся стереотип женщины “матери” и “труженицы” прослеживается в произ-

ведениях всех абхазских писателей. Женщина присутствует везде, она создает уют, готовит, стирает, воспитывает детей, помогает морально мужу. Ее образ светлый, но это только помощница и никак не главная героиня:

*“Бабушка Фотинэ очень суетилась - прибирала двор, бегала к соседям. Собирала крапиву... А мама шила, кроила, распарывала и снова шила... Потом она стирала и вешала рубашку на яркое весеннее солнце... Мама, как всегда, как во все дни нашей семейной хроники. Все смягчала... Но он (отец), как всегда, не замечал никаких новшеств в нарядах своей жены: в этот вечер на ней не было золотой цепочки длиною в два аршина, подаренной ей в день свадьбы отцом ее...”* (Гулия Г., 1984: 85).

Иногда абхазские писатели настаивают, что все эти добродетели должны быть свойственны именно их женщинам, что взаимоотношения женщин и мужчин отличаются особой гармоничностью именно у абхазов, а не их соседей:

*“Грудастая, дебелая абхазка, воспитанная на мужниных богатых харчах и всегда одетая в шелка, потребовала спичек”* (Гулия Г., 1984: 72); *“...Где взять двести двадцать пять рублей? Ведь это же разорение! И, по-видимому, толкают на это разорение ее неразумную дочь, толкают эти хитрые гречанки. А ведь мужнины денежки надо беречь!”* (Гулия Г., 1984: 74).

Все герои цитируемого рассказа Георгия Гулия “Отрез для отца” - женщины разных возрастов, принадлежащие разным социальным слоям, с различным материальным достатком. Общий тон рассказа, как и всех произведений Г. Гулия выдержан в ироничной манере. Это добрая ирония, видно, что автор любит этих женщин, но их мир очень тесен, он почти не выходит за рамки дома, рынка или “театрона и иллюзиона”. Мужчины занимаются важными делами, и проблемы дома (где раздобыть в послереволюционной Абхазии пропитание, во что одеть семью и другие) не должны отвлекать их.

Интересно наблюдать, как эта тема звучит у такого современно мыслящего автора, как Фазиль Искандер, которого нельзя обвинить в традиционализме. Вот как представляется Ф. Искандеру образ женщины-матери:

*Бессонной ночи темная громада.  
То вздрогну, то прислушаюсь опять,  
Когда услышу, как за дверью рядом,  
Не просыпаясь, вдруг застонет мать.  
Тревожный стон доносится до слуха,*

*Как грозный отзвук прожитого дня,  
Как будто сердце жалуется глухо  
На одиночество, на холод, на меня...*

*...От боли к боли - траурное платье.  
Над ним, над черным побелела голова.  
Она об этой боли не кричала,  
С достоинством несла ее печать,  
Но если смерть - забвения начало,  
То дело смерти побеждала мать.*  
(Искандер, 1987: 60-61)

Исключительное внимание этот писатель уделяет женской красоте, как ее представляет себе абхазский мужчина. Часто Ф. Искандер говорит об этом с иронией, тем самым показывая, что за мужским восхищением женской красотой все равно стоит прагматический интерес: насколько эта женщина - хорошая хозяйка?

*“Вообще в те времена в наших краях в женской красоте больше всего ценилась бровастость, глазастость и длиннокосость. Во всяком случае, в эстетическом меню тех лет, отраженном в песнях, сказаниях и легендах, такого блюда, как “ямочки на щеках”, не упоминалось.*

*Но интересно отметить, что высшим женским свойством считалось тогда и продолжает считаться до сих пор степень легкости, с которой женщина обслуживает свой дом и особенно гостей. И, давая оценку той или иной женщине или девушке, абхазцы вообще, а чегемцы в особенности, прежде всего ценят это качество. Высший тип женщины - это такая женщина, которая все свои обязанности выполняет не только хорошо, этого мало нашим взыскательным дегустаторам женского обаяния, но и радостно, даже благодарно за то, что окружающие дают повод или, еще лучше, много поводов заботиться о них.*

*С лица-то она хороша, - говорят чегемцы про ту или иную женщину, - да что толку-то - тяжелозадая.*

*И тут - конец красоте. Полная гибель.  
Или совсем наоборот:*

*- На вид-то она неказистенькая - зато летает!!!*

*И это восхищенное определение полностью снимает некоторые недоработки природы во внешнем облике женщины и как бы распахивает красоту ее крылатой души”* (Искандер, 1986: 143-144).

Но если женщина не ведет себя соответственно сложившимся представлениям, то Фазиль Искандер для ее описания использует уже

другие методы, в которых ирония отступает: “С горящими ненавистью глазами, растрепанная и ощерившаяся девушка стояла, воинственно озираясь...” (Искандер, 1987: 150).

Еще интереснее, как Ф. Искандер изображает своих основных героев-мужчин. “...Авторская ирония пронизывает все слои произведения, звучит в описаниях персонажей; автор подсмеивается над своими героями, даже над любимыми...” (Маргания, 1999: 79). Однако он уже заранее прощает своим героям все их недостатки, их лень, болтливость и т.д., потому что он знает, что абхазский мужчина в нужный момент покажет себя героем (не важно где, то ли за столом, то ли на поле битвы) (Gilligan, 1982; Гиллиган, 2000).

Вопреки навязанным мужчинами представлениям, во время Грузино-абхазской войны некоторые абхазские женщины воплотили в жизнь образ античной “амазонки”. Я познакомилась с женщиной, которая пережила военный конфликт не как большинство женщин дома, а пошла на передовую. Она работала медсестрой, но это не было ее основным занятием. С оружием в руках она шла рядом с солдатами, на ее счету множество боевых операций. Она сама получила серьезные ранения. В данное время она продолжает служить, работает на контрольно-пропускном пункте на русско-абхазской границе.

Далеко не все одобряли, когда молодая женщина уходила воевать. Считается, что ее моральные качества от этого страдают. Однако открытого недовольства в таких случаях обычно не показывают, т. к. она была героем, равным мужчинам.

В послевоенный период такие женщины стали объединяться в НПО. В 1995 году возник “Союз сестер милосердия” - женская неправительственная благотворительная организация, представленная бывшими санинструкторами в медико-санитарных фронтовых службах Республики Абхазия в период Грузино-абхазского конфликта. Списочный состав Союза - 185 чел. Его возглавляет (председатель) Людмила Маргания, доцент кафедры русского языка АГУ. Среди других участниц: врач реаниматолог Гунда Джения, которая в свое время окончила Медицинский институт в Нальчике; врач-физиолог Лиана Пачулия и др. В последнее время число женских организаций, члены которых были связаны с фронтом, возросло. Это - “АЖА”, “Движение матерей за мир” (с 1997 г.), “Мрамза” (с 2001 г.).

Но все равно все лавры этой войны остались мужчинам. Как справедливо то, что пишет Джоан Рингельхайм! Опыт, практика женщин,

переживших войну, всегда “затемнялись или поглощались описаниями жизни мужчин”.

С другой стороны, до сих пор тенденции солидарности со “всем народом Абхазии”, т.е. с мужским большинством, пересиливают желание абхазских женщин добиться собственного независимого положения в обществе.

Статья “Женский “Поезд мира” в Грузии”, принадлежащая перу Тамары Драгадзе, затрагивает очень интересный случай, относящийся ко времени Грузино-абхазского вооруженного конфликта (1992-1993). Автор считает, что традиционно в Абхазии, как и “в основном, везде на Кавказе, закон чести заставлял сражающихся мужчин слагать оружие, если между ними встанут женщины, особенно если те снимут свои белые платки и кинут под ноги мужчинам”. Однако советская традиция и постсоветская реальность были иными. Идея женского “Поезда мира” была предпринята грузинскими женщинами, чтобы пристыдить абхазских мужчин и заставить их сложить свое оружие. Она, в общем, не относилась к грузинским солдатам, разве, чтобы получить разрешение от них, чтобы совершить свою протестную акцию неподалеку от зоны военных действий. Были также и мирные походы со стороны абхазских женщин, которые устраивались в столице Сухуми, во время которых женщины требовали, чтобы грузины остановили наступление, нападая на них (Dragadze, 1995: 250-260).

“Очевидно, - говорила Вирджиния Вульф, - ценности женщин очень часто отличаются от ценностей, которые создаются другим полом” (Wolf, 1929: 76). И все же, добавляет она, “мужские ценности господствуют” (Gilligan, 1982; Гиллиган, 2000: 178-179). Поэтому активистки женских организаций Абхазии служат общенациональной идее и редко выдвигают свои специфические женские требования. Большинство из тех немногих женщин-литераторов и ученых, имеющих в абхазском обществе, в своих работах также продолжают ориентироваться на мужское видение мира.

На конференции этнологов в г. Нальчике мое выступление на тему “К изучению гендерных отношений на абхазском материале” (1900-2000 гг.) произвело неожиданное впечатление на ученых-этнологов из Абхазии. Я выступала на секции “Формирование гендерных стереотипов”, где присутствовали женщины-ученые из Абхазии, занимающиеся этими проблемами. Мои идеи заключались в том, что мужчины переложили с легкостью решение бытовых, экономи-

ческих проблем, проблем воспитания детей на плечи женщин, и что их статус главы семьи, ее кормильца достаточно сомнителен. И что причина, которая могла быть для них оправданием еще 5-6 лет назад (невозможность выезжать за пределы Абхазии во время войны и блокады), сейчас звучит совсем неубедительно.

Все это вызвало совсем неадекватное отношение. Марина Барциц, тема ее доклада «Абхазская культура: гендерный аспект» (г. Сухуми, Абхазия), заявила, что мужчины находятся в очень трудном положении, они не могут отойти от ужасов войны, и вообще, мужчины до сих пор находятся в боевой готовности. И все эти причины не позволяют им заняться налаживанием экономики, быта и т.д.

Я упоминала о работе Джоан Рингельхайм «Женщины и Холокост: переосмысление исследований», где она призывает детально изучать женский опыт, который наверняка поколеблет те исторические модели, которые учитывают лишь мужской опыт. *«Даже беглый обзор исследований, посвященных Холокосту, выявил бы, что опыт и переживания еврейских женщин затемнялись или поглощались описаниями жизни мужчин»* (Ringelheim, 1985; Рингельхайм, 2000: 254). И по моим исследованиям, я могу смело сказать, что ни в период войны, ни тем более, в послевоенный, женский опыт, не только не учитывается, но даже те явные заслуги в переживании военного конфликта, принадлежащие женщинам (например женщинам-медсестрам) умаляются и упоминаются лишь вскользь.

Мой оппонент пыталась объяснить мне, что мужчины потеряли вековые традиции и им сложно в короткие сроки найти свое место в новом мире: *«Современные гендерные установки и идеалы абхазского общества во многом продолжают соответствовать традиционным. В целом прослеживается культурная преемственность, но есть и серьезные изменения: в поло-ролевых установках, в том числе и в труде; изменение на брачном рынке, начавшееся еще с изменения полового состава населения, изменения моделей выбора супруга; деформация в формах заключения брака; изменения в институте вдовства; современный низкий уровень брачности, падение рождаемости, снижение показателя устойчивости брака и т.д.»* (Барциц, 2001).

Весьма показательна другая ее работа «Судьба в системе традиционного мировосприятия абхазов». В ней абхазская культура пред-

стает такой, для которой характерна вера в уже известную предрешенность будущего (Барциц, 1998: 27). Абхазцы говорят, что «с каждым случается то, что написано у него на лбу».

На страницах этой работы разворачивается целая философия фатализма:

*«...Главные вехи судьбы - брак и смерть - оговорены Творцами в рождении. При этом брак не просто как приведение жены, а как вхождение в личную судьбу, как получение своей доли счастья и соединения двух судеб»* (Барциц, 1998: 29).

*«Рыцарский этос, характерный для традиционной воинской культуры абхазов, был неразрывно связан с мифологическим фатализмом. Это был не пассивный фатализм, а фатализм, предполагающий активность и инициативность, поиск способа преодоления скоротечной жизни с помощью славного имени, переживающего ее...»*

*«Влияя на мотивацию поступка, понятие судьбы и в сегодняшнее историческое время продолжает сохранять значимость в смысловом пространстве абхазской культуры»,* - заключает автор (Барциц, 1998: 43).

М. Барциц – не единственная женщина-ученый, которая придерживается подобных взглядов на абхазскую культуру и место в ней женщины. У нее существует целая группа единомышленниц - молодых исследовательниц из Сухуми. Так, в представлении другой женщины-этнолога Симы Дбар: *«Вся жизнь человека состоит из сплошного ряда запретных и незапретных моментов. Разнообразие комбинаций из данных моментов и составляет специфику быта каждого конкретного народа и выделяет его из среды остальной массы»* (Дбар, 2000).

Их работы пронизывает одна общая идея, идея неизменности абхазской культуры, тысячелетней сбалансированности в ней отношений между всеми слоями общества, гармонии взаимоотношений мужчин и женщин. Все, что было в Старой Абхазии, предстает как мудрость и добро, для успешного сохранения которых нужны только благоприятные внешние условия.

Элен Сиксу пишет: *«Каждая женщина знает, чего стоит мучительная попытка встать и сказать. Как колотится сердце, уходят слова и почва из-под ног - так отчаянна эта попытка, так велико преодоление страха для женщины - просто встать и сказать, что хочешь, публично. Вдвойне попытка и свершение, потому что, даже если она смогла сказать, ее*

слова упадают всегда лишь на оглохший слух маскулинности, привыкший слышать лишь то, что сказано в мужском роде” (Sixous, 1995; Сиксу, 2001: 805).

Как преодолевают женщины “оглохший слух маскулинности” в абхазском обществе? Очень осторожно, не выставляя свое личное мнение. В текстах не заострено внимание на личных переживаниях или опыте, все обобщено и обезличено. “Человек иногда сам может войти в общение с судьбой”, “У абхазов есть представление об...”, “В абхазской системе традиционного воспитания игры рассматриваются...”. Женщина-автор не присутствует в тексте, она со стороны смотрит на происходящее. Ей еще как бы не хватает смелости твердо заявить себя и свое видение, а не ориентироваться на созданные мужчинами образы.

### Вместо заключения

Итак, пока лишь в виде гипотезы, требующей дальнейшей проработки, можно сделать вывод о том, что уровень мужского господства в абхазском обществе не снижался весь XIX и XX века, а даже, наоборот, увеличивался. Поначалу

статус женщины был еще полон всяческих противоречий, не до конца регламентирован. Возможно, власть мужчин нарастает вначале из-за усилившегося процесса христианизации и исламизации после Кавказской войны и российского завоевания, а затем с советизацией, подчинением абхазов государственной власти и вовлечением их в процесс построения социалистической (государственной) экономики и, наконец, после трагических событий начала 1990 годов, в связи с полным переходом к “женской экономике”.

Кроме того, надо постоянно иметь в виду, что образ гендерных отношений в Абхазии, существующий в науке и общественном мнении, искажен вследствие влияния точки зрения национального (грузинского, русского) большинства, считающего абхазов отсталым народом, склонным к насилию, в том числе насилию над женщинами; а также точки зрения доминирующего (мужского) гендера, стремящегося убедить всех и себя в гармонии традиционного порядка.

Высказанные здесь мысли, приведенные выше материалы и факты служат лишь первым робким шагом на пути изучения гендерной ситуации в Абхазии. Хочется надеяться, что в скором будущем будут показаны и другие стороны этой запутанной проблемы. Женщины Абхазии заявят о себе в полной голос!

### Библиография

- Айвазова, 2001.** Айвазова С. Гендерное равенство в контексте прав человека. М., 2001.
- Барциц, 1998.** Барциц М. М. Судьба в системе традиционного мировосприятия абхазов // Мосты. Вып. 1. Сухум, 1998.
- Барциц, 2001.** Барциц М. М. Абхазская культура: гендерный аспект // 4-й Конгресс этнографов и антропологов России, Нальчик, 20-23 сентября, 2001 год. Тезисы докладов. М., 2001.
- Битвава, 1973.** Битвава В. Л. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1973.
- Гиллиган, 2000.** Гиллиган Кэрол. Место женщины в жизненном цикле мужчины // Хрестоматия феминистских текстов / Пер. с англ. СПб., 2000 [Gilligan Carol. *In a Different Voice*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982].
- Гулия Д., 1974.** Гулия Дмитрий. Стихотворения и поэмы. Л., 1974.
- Гулия Г., 1984.** Гулия Георгий. Жил-был абхазский мальчик. М., 1984.
- Дбар, 1985.** Дбар С. А. Традиционные родильные обычаи и обряды абхазов и их трансформация в советские годы // Советская этнография. 1985. № 1.
- Дбар, 2000.** Дбар С. А. Обычаи и обряды детского цикла у абхазов. Сухум, 2000.

**Дворкин, 2000.** Дворкин Андреа. *Гиноцид, или китайское бинтование ног* // Антология гендерной теории / Пер. с англ. Минск, 2000 [Dworkin Andrea. *Gynocide: Chinese Footbinding*. In: *Feminist Frontiers III* (Laurel Richardson, Verta Taylor, eds.). New York: McGraw-Hill, 1993].

**Дворкин, 2001.** Дворкин Андреа. *Порнография. Мужчины обладают женщинами* / пер. с англ. // Введение в гендерные исследования. Часть 2. Хрестоматия. Харьков; СПб., 2001 [Dworkin Andrea. *Pornography. Men Possessing Women*. New York, 1981].

**Державин, 1907.** Державин Н. С. Абхазия в этнографическом отношении // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1907. Вып. 37.

**Джанашвили, 1894.** Джанашвили М. Абхазия и абхазцы // Записки кавказского отдела Российского императорского географического общества. Тифлис, 1894. Вып. 16.

**Дэвис, 2000.** Дэвис Анджела. *Расизм и миф о черном насильнике* // Антология гендерной теории / Пер. с англ. Минск, 2000 [Davis, Angela. *Rape, Racism and the Myth of the Black Rapist*. In: *Women, Race and Class*. Vintage Books. A Division of Random House, 1981].

- Законодательство о правах женщин в СССР, 1975.** Законодательство о правах женщин в СССР. Сборник нормативных актов. М., 1975.
- Инал-ипа, 1954.** Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954.
- Искандер, 1986.** Искандер Фазиль. Большой день большого дома. Сухуми, 1986.
- Искандер, 1987.** Искандер Фазиль. Путь. М., 1987.
- Кесслер-Хэррис, 2000.** Кесслер-Хэррис Элис. Женский труд и социальный порядок // Антология гендерной теории / Пер. с англ. Минск, 2000 [Kessler-Harris A. Women, Work and Social Order. In: *Labor Market Segmentation* (ed. David Gordon et al.). Mass.: Lexington Books, D.C., 1975].
- Коллинз, 2000.** Коллинз Рэндалл. Введение в неочевидную социологию // Антология гендерной теории / Пер. с англ. Минск, 2000 [Collins, Randall. *Sociological Insight: An Introduction to Non-Obvious Sociology*. 2nd. Oxford University Press, 1992].
- Коннелл, 2000.** Коннелл Роберт. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов / Пер. с англ. СПб., 2000 [Connell, Robert. 3. Current Frameworks. In: Connell, R. *Gender and Power*. Stanford University Press, 1987].
- Кузнецов, 1995.** Кузнецов И. В. Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. М., 1995.
- Малия, Акаба, 1982 -** Малия Е. М., Акаба Л. X. Одежда и жилище абхазов. Тбилиси, 1982.
- Маргания, 1999.** Маргания Л. Лингво-стилистические проблемы иноязычного творчества (в контексте адыгейской и абхазской литератур). Сухум, 1999.
- Мачавариани, 1884.** Мачавариани К. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1884. Вып. 4.
- Павленко, 1986.** Павленко А. П. Некоторые особенности брачного круга абхазов (На примере селения Джгерда Очамчирского района) // Полевые исследования института этнографии. 1982. М., 1986.
- Рингельхайм, 2000.** Рингельхайм Джоан. Женщины и Холокост: переосмысление исследований // Антология гендерной теории / Пер. с англ. Минск, 2000 [Ringelheim Joan. Women and the Holocaust. In: *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 1985. Vol. 10, No. 4].
- Рубин, 2000.** Рубин Гэйл. Обмен женщинами. Заметки о "политической экономии" пола // Хрестоматия феминистских текстов / Пер. с англ. СПб., 2000 [Rubin, Gayle. The Traffic in Women: Notes on The 'Political Economy' of Sex. In: *Toward an Anthropology of Women*. Ed. by R. Reiter. New York: Monthly Review Press, 1975].
- Рубин, 2001.** Рубин Гэйл. Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик / пер. с англ. // Введение в гендерные исследования. Часть 2. Хрестоматия. Харьков; СПб., 2001 [Rubin, Gayle. Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality. In: Carole S. Vance, ed., *Pleasure and Danger: Exploring Female Sexuality*. London, 1989].
- Сиксу, 2001.** Сиксу Элен. Хохот Медузы / пер. с англ. // Введение в гендерные исследования. Часть 2. Хрестоматия. Харьков; СПб., 2001 [Cixous, Helene. The Laugh of the Medusa. In: Robyn R. Warhol and Diane Price Herndl, eds., *Feminisms: an Anthology of Literary Theory and Criticism*. New Brunswick, N.J., 1997].
- Смирнова, 1955.** Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины // Кавказский этнографический сборник. М., 1955.
- Смирнова, 1962.** Смирнова Я. С. Воспитание ребенка у абхазов // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1962. Вып. 36.
- Сталин.** Сталин И. В. Соч., т. 7.
- Хобсбаум, 1999.** Хобсбаум Эрик. Век империи, 1875-1914. Ростов-на-Дону, 1999 [Hobsbawm, 1987].
- Ходоров, 2000.** Ходоров Нэнси. Психодинамика семьи // Хрестоматия феминистских текстов / Пер. с англ. СПб., 2000 [Chodorow Nancy. Family Structure and Feminine Personality. In: *Women, Culture and Society*. Ed. by M. Rosaldo and L. Lamphere. Stanford University Press, 1974].
- Хубер, 2000.** Хубер Джоан. Теория гендерной стратификации // Антология гендерной теории / Пер. с англ. Минск, 2000 [Huber Joan. A Theory of Gender Stratification. In: *Feminist Frontiers III* (Laurel Richardson, Verta Taylor eds.). New York: McGraw-Hill, 1993].
- Чеснов, 1991.** Чеснов Я. В. Мужское и женское начала в рождении ребенка по представлениям абхазо-адыгских народов // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб, 1991.
- Чодороу, 2000.** Чодороу, Нэнси (другой вариант - Ходоров, Нэнси). Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола (часть III. Половая идентификация и воспроизводство материнства) // Антология гендерной теории / Пер. с англ. Минск, 2000 [Chodorow, Nancy. *The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender* (Part 3. "Gender Personality and the Reproduction of Mothering"). Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1978].
- Dragadze, 1995.** Dragadze, Tamara. The Women's Peace Train in Georgia. In: *Post-Soviet Women: from the Baltic to Central Asia*. Ed. By Mary Buckley. Cambridge University Press. Pp. 250-260.



## Список иллюстраций

**Фотография № 1.** 1928-1930 г. Изображены две девушки и молодой мужчина. Девушкам одной около 16-17 лет, второй лет 20-22. Одеты в выходную одежду, на одной девушке платье с достаточно глубоким вырезом, на другой блузка. Одежда летняя, глубокий вырез не характерен для традиционного женского платья. Рукава выше локтей. Прически гладкие, собраны низко на затылке в пучок. Не используется косметика. Платье девушки с круглым вырезом сшито дома, блуза фабричная.

**Фотография № 2.** 1930 г. Изображены две молодые женщины. На одной женщине черное, скорее всего траурное платье, однако голова не покрыта платком и волосы подстрижены. На другой женщине блузка и пиджак, на голове вместо платка шляпка, волосы сострижены. Блузка и платье у женщин закрывают шею под подбородок. Вероятно весна или осень. Платье сшито дома, пиджак и блузка фабричного производства. Без макияжа.

**Фотография № 3.** 1930 г. Молодая семейная пара. На женщине традиционная юбка и жилет, блузка же несет элемент эмансипации - глубокий вырез и ленточка на шее с брошью. Рукава длинные. Жилет и юбка сшиты в домашних условиях. Блузка фабричная. Волосы зачесаны и собраны в пучок. На ногах мягкая кожаная обувь без каблуков. Косметика не используется.

**Фотография № 4.** 1930 г. Семейная пара. В одежде женщины ярко выражены изменения. На женщине непозволительно короткая юбка (выше колен), это было достаточно смело в те времена. Могла позволить себе женщина лишь с высоким статусом (например, жена или дочь партийного работника). Светлая блуза и пиджак, сумочка, серьги в ушах, добротная обувь – все говорит о высоком положении или состоятельности этой женщины. Вся одежда фабричная. Волосы собраны на затылке, без косметики. Одежда, скорее всего, весенне-осеннего сезона.

**Фотография № 5.** 1930 г. Изображена семья. Четыре молодые женщины. На одной женщине традиционная юбка, черная блузка и пиджак, на ногах черные чулки и темные туфли. Женщина в трауре, но без траурной шаля. Блузка застегнута на все пуговицы. Три другие девушки в городской одежде, современные платья с шалевыми воротниками, у одной девушки вырез глубже, чем это предусматривалось. Рукава у всех длинные до кистей. Одежда частично сшитая дома, частично фабричная. На одной из женщин видны туфли на каблучке в тон платью. Одна из девушек в вязаной кофточке, другая в пиджаке. У девушек модные прически, косметика не используется.

**Фотография № 6.** 1948 г. Молодые замужние женщины. На одной цветное платье с вырезом под горло и пиджак, волосы собраны на затылке. Вторая женщина в вязаной кофте, застегнутой под горло, волосы заплетены в две косы.

**Фотография № 7.** 1952 г. Женщины разных возрастов. На старшей женщине темная блуза под горло и пиджак, волосы гладко зачесаны назад и собраны в пучок. На молодой девушке темная декольтированная блуза, светлый пиджак, на шее цепь с медальоном. Волосы собраны на затылке. Обе не используют косметику. Одежда фабричная.

**Фотография № 8.** 1954 г. Школьницы. Одеты в школьную форму, принятую как обязательную во всех школах СССР, одна из девочек пионерка, на шее у нее галстук. Волосы заплетены в косички и перевязаны белыми лентами. Длина формы ниже колен, рукава длинные, воротнички застегнуты наглухо. На ногах белые гольфы и кожаные туфли без каблуков. Формы фабричного производства. Девочкам по 12 лет.

**Фотография № 9.** 1960 г. Молодая супружеская пара с ребенком. На женщине юбка в мелкий горошек, темная блузка и вязаная кофта. Юбка женщины ниже колен, блузка с небольшим вырезом. Одежда фабричная. Волосы зачесаны и собраны в пучок. На маленькой девочке белый легкий сарафан. Ребенку 1,5 года, женщине 20 лет. Одежда выходная, летняя.

**Фотография № 10.** 1960 г. Девочка в выходной одежде. Темная плиссированная юбка по колени и белая кофта с рукавами до локтей. Волосы распущены и подхвачены белой лентой. На ногах кожаная обувь. Одежда летняя, выходная, фабричная. 10 лет.

**Фотография № 11.** 1960 г. Девушка 18-20 лет, одета в цветное летнее платье, подпоясанное тонким ремешком. Длина платья до колен, рукава выше локтей, неглубокий вырез. Платье сшито дома. Волосы собраны в хвост. Без косметики.

**Фотография № 12.** 1960 г. Пожилые абхазские женщины. На одной халат, подпоясанный фартуком (непременный атрибут пожилых женщин), на голове светлый платок. Вторая женщина в траурной одежде, черная юбка, чулки и черный платок, однако блузка в мелкий горошек. Блузки у женщин с рукавами до кистей, юбки до середины икр. Одежда, скорее всего, сшита дома. Женщинам приблизительно по 75 лет.

**Фотография № 13.** 1960 г. Абхазские девушки в весенних нарядах. На одной пестрое платье из шелка и вязаная кофта, длина платья ниже колен, слегка декольтировано, но прикрыто легким шарфом. Туфли на небольшом каблучке. Волосы заплетены в

косу и собраны в пучок. На руке часы. Вторая одета в темную до колен юбку и водолазку, а сверху пиджак из ткани в полоску. Туфли без каблука. Волосы также собраны в пучок.

**Фотография № 14.** 1962 г. Те же девушки в осенне-зимних одеждах. На одной светлый плащ и светлая кофта, туфли на низком каблуке, волосы не покрыты. На второй темное драповое пальто, туфли на каблуке. Длина ниже колен. Возраст – около 20 лет.

**Фотография № 15.** 1964 г. Молодые женщины. Сезон весна-осень. На всех троих модная обувь. Одна из женщин в плаще из жатой ткани, стрижка современная, городская. Вторая женщина одета в юбку модного покроя и свитер. В руках небольшая сумочка. Третья женщина в темном платье. По одежде можно предположить, что женщины из интеллигентной среды и состоятельные. Длина ниже колен. Возраст – до 30 лет.

**Фотография № 16.** 1965 г. Молодые женщины, 25-27 лет. Одежда выходная. На женщинах цветные блузки и темные юбки. Юбки ниже колен, блузка одной женщины с рукавами выше локтей, у другой – ниже локтя. Туфли на каблуке, на руках часы. Волосы собраны в пучок. Одежда летняя.

**Фотография № 17.** 1966 г. Девушка 22 лет с младшим братом. На ней светлое платье в крупный горох, подвязанное тонким ремешком. Длина ниже колен, платье без рукавов, с не очень глубоким вырезом. На ногах шлепанцы. Одежда повседневная, домашняя.

**Фотография № 18.** 1967 г. Девушки и юноша. Время года - зима. Одеты в пальто, на ногах туфли и теплые чулки (колготки). Длина пальто по колени или немного выше. На головах троих девушек платки. Возраст девушек – 17-18 лет. Одежда повседневная.

**Фотография № 19.** 1968 г. Молодые женщины и мужчина. Одна из них одета в светлую блузку с вырезом под горло и без рукавов. Волосы подстрижены и уложены в прическу. В ушах серьги. Возраст – около 24 лет. Одежда выходная. На второй темная кофта модного покроя с рукавами выше локтей, волосы распущены.

**Фотография № 20.** 1968 г. Девушка, 20 лет. Время года - лето. Одета в платье без рукавов, подпоясанное тонким ремешком, длина по колени. Неглубокий вырез. На ногах светлые босоножки. Одежда выходная.

**Фотография № 21.** 1968 г. Молодые женщины. Одна в темной юбке и свитере, волосы уложены в прическу. Возраст – около 30-35 лет. На второй светлая юбка и кофта, на плечи накинута светлая шаль. Длина по колени. Волосы собраны в пучок. Обувь на

среднем каблуке. Возраст – 25 лет. Обе без косметики. Одежда выходная.

**Фотография № 22.** 1968 г. Группа молодых людей 18 лет. Девушки, за исключением одной, в цветных платьях длиной до колен, без рукавов, обувь на небольшом каблуке. Волосы собраны в хвосты, две девушки подстрижены. Девушка в центре в траурном платье с короткими рукавами, на плечи накинута черная шаль.

**Фотография № 23.** 1968 г. Девушка и замужняя женщина в осенних пальто. На девушке светлый свитер и туфли на каблуке. Высокая прическа. Женщина в пальто, на шее шарф, обувь на невысоком каблуке. Волосы заплетены в косу и собраны вокруг головы. Пальто слегка прикрывает колени.

**Фотография № 24.** 1970 г. Молодые незамужние девушки в выходных нарядах. Платья немного выше колен, руки обнажены. Декольте почти что отсутствует. Обувь на средних каблуках. На руках из украшений – только часы. Возраст – от 20 до 22 лет. Без макияжа.

**Фотография № 25.** 1970 г. Девушки в домашних одеждах. На них цветные платья из ситца, на ногах шлепанцы, волосы собраны в хвосты. Длина – выше колен. Платья без декольте, с рукавами выше локтей. Возраст – около 20 лет. Платья сшиты дома.

**Фотография № 26.** 1970 г. Молодая замужняя женщина в светлом выходном костюме, состоящем из юбки и блузки. Юбка ниже колен, блузка без рукавов. На шее бусы, волосы уложены в прическу. Возраст – около 25 лет. Одежда фабричная.

**Фотография № 27.** 1971 г. Молодые замужние женщины в осенне-зимних нарядах. Пальто длиной по колени. Одежда выходная. Одна из женщин в сапогах, двое – в туфлях. Волосы заплетены в косу и собраны в пучок.

**Фотография № 28.** 1974 г. Молодая замужняя женщина с ребенком в выходном костюме и туфлях на каблуках. Длина юбки по колени, рукава длинные, небольшой вырез. Костюм фабричный. Волосы собраны. На руках золотые украшения. Та же женщина с ребенком в домашнем халате с короткими рукавами и покрытой платком головой. Халат сшит дома.

**Фотография № 29.** 1972 г. Девушка в платье с короткими рукавами и неглубоким вырезом. Волосы уложены в прическу. На руке золотое кольцо. Возраст – 22 года. Платье фабричное.

**Фотография № 30.** 1970-1971 гг. Девушки в зимних нарядах. Две абхазские девушки в темных пальто. На одной из них шляпа, волосы подстрижены и уложены в прическу. Из-под пальто виден светлый

шарф. У второй девушки волосы уложены в прическу, концы волос распущены. Девушки не накрашены. Справа сидит русская девушка в светлом пальто и шляпе. Волосы выкрашены в светлый цвет, глаза сильно накрашены. Нателле 26 лет, Джульетте 20 лет, Галине 25 лет.

**Фотография № 31.** 1974 г. Группа молодых людей. Девушки в основном в светлых модных костюмах, две девушки в брючных комплектах. У девушек в костюмах юбки выше колен, все они в стильной обуви на каблучке. У крайней слева модная сумочка. Прически разные: стрижки, длинные волосы уложены в прическу или собраны в хвост. Брюки в это время абхазская девушка могла одеть, только если она жила в городе или ее родители были очень уважаемые (скорее всего состоятельные) люди. Возраст девушек – приблизительно 20-24 года.

**Фотография № 32.** 1975 г. Девушка 19 лет в зимнем пальто. Видимо, в короткой юбке, т. к. обнажены колени. На пальто брошь, на руке виден браслет от часов. Волосы собраны в хвост.

**Фотография № 33.** 1975 г. Девушка 19 лет одета в шелковую блузку, поверх нее тонкий свитер с вырезом. На шее золотая цепь. Волосы подстрижены до плеч и уложены. Минимальное использование косметики.

**Фотография № 34.** 1979 г. Девушки 19 лет в летних одеждах. На одной девушке белое платье без рукавов, босоножки на высоком каблучке, на шее украшение, волосы подстрижены до плеч и распущены. Вторая девушка с короткой стрижкой, в светлой юбке и майке на тонких бретельках, на шее золотая цепь, на руке браслет. Обувь на высоком каблучке. Одежда фабричная. Длина юбок до середины икр.

**Фотография № 35.** 1980 г. Девушки в летних одеждах. Девушка справа одета в халат, обувь на каблучке. Волосы собраны в хвост. Вторая в светлой юбке и белой кофте, обувь на каблучке. Обе девушки в очках, на руках браслеты и кольца. Длина юбок ниже колен, рукава выше локтей. Ворот блузок расстегнут.

**Фотография № 36.** 1981 г. Молодая женщина с ребенком. Женщина в красной юбке и кофте. Юбка ниже колен, блузка с глубоким вырезом и с коротким рукавом. Волосы подстрижены. Обувь на танкетке, повседневная. На руке кольцо. Девочка 3 лет в брюках и тонком свитере. Волосы подстрижены. Женщине 31 год.

**Фотография № 37.** 1981 г. Три девушки в выходных нарядах. На одной девушке белое платье с длинным рукавом и белые босоножки на высоком каблучке. Волосы распущены. Девушка в центре в белых брюках и рубашке в клетку. Она также в босоножках на высоких каблучках. Волосы распущены. Третья девушка коротко подстрижена. Она в светлой юбке и темной кофте. Длина платья и юбки ниже колен. Обувь на высоком каблучке. Девушки подкрашены. Возраст – 21-22 г.

**Фотография № 38.** 1983 г. Девушки в летних одеждах. Девушка слева в красных брюках и светлой майке без рукавов. На руках браслеты и кольца, на шее украшение. Обувь без каблуков. Волосы распущены. Девушка справа в костюме, состоящем из юбки по колени и майки без рукавов. Светлый пиджак накинут на плечи. На шее украшение. Волосы подстрижены. Обувь также без каблуков.

**Фотография № 39.** 1998 г. Женщина 38 лет в повседневном летнем платье. Платье шелковое, простое, длиной ниже колен, небольшой вырез. На шее золотая цепь. Волосы коротко пострижены. Немного косметики.

**Фотография № 40.** 1990 г. Группа людей в рабочей одежде. Все женщины со стрижками. Женщина крайняя слева в юбке в горошек и полосатой кофте. На ногах шлепанцы. Возраст – около 43 лет. Рядом с ней молодая девушка в темной юбке и светлой кофте. В ушах серьги, на руках часы и кольцо. Возраст – 27 лет. Рядом с ней женщина 40 лет с короткой стрижкой в юбке в клетку и цветной майке. Обувь на среднем каблучке. Справа девушка 20 лет коротко подстрижена, в темной юбке и белой майке. На ногах тапочки.

**Фотография № 41.** 1990 г. Девушка 24 лет. В темном свитере и с длинными бусами. На руке кольцо. В ушах серьги. Волосы подстрижены. Макияж.

**Фотография № 42.** 1991 г. Группа молодых людей. Возраст – примерно 17-18 лет. Девушки в ярких одеждах. Время года осень-зима. Девушки в теплых свитерах с орнаментом. Две девушки в темных свитерах, на одной ярко-красный шарф и золотые украшения, у другой девушки золотые украшения. Макияж. Украшения стали больших размеров, принято носить по несколько золотых цепей, много колец. Длина юбок до середины икр. Одежда выходная, фабричная.

**Фотография № 43.** 1991 г. Молодая женщина 23-25 лет. Замужем. Одета в светлую юбку длиной ниже икр и белую майку с короткими рукавами. На шее золотая цепь, в ушах серьги, на руке браслет. Обувь на низком каблучке. Волосы собраны. Одежда выходная. Макияж.

**Фотография № 44.** 1992 г. 18-летняя девушка в теплом свитере. Волосы до плеч распущены. Без косметики. Одежда выходная.

**Фотография № 45.** 1998 г. Группа молодых людей в летних одеждах. Девушка справа в юбке в горох и белой блузке без рукавов. Юбка намного выше колен. Волосы подстрижены. Возраст – 20 лет. Без макияжа. Вторая девушка в черной юбке и черной майке, юбка выше колен. Волосы собраны в хвост, без макияжа. Одежда фабричная.

**Фотография № 46.** 2000 г. Молодые люди. Девушка крайняя справа 22 лет. Волосы подстрижены. Одета в светлую, из прозрачной ткани кофту и светлые брюки. В ушах и на шее золотые украшения. Макияж. Выходная одежда.

**Фотография № 47.** 2001 г. Женщина 50 лет, с

короткой стрижкой. Юбка длинная цветная из плотного шелка, темная кофта с короткими рукавами и вырезом. На шее золотая цепь. Обувь на танкетке. Одежда выходная.

**Фотография № 48.** 2001 г. Девушки 23 лет в стильных брюках и открытых на тонких бретельках майках. Обувь - джинсовые сабо, у девушки слева джинсовая сумка. Обе в очках. Макияж.

**Фотография № 49.** 2001 г. Три девушки в выходных одеждах. Девушка слева в темной длинной юбке и светлой кофте с короткими рукавами и глубоким вырезом. Стрижка короткая. На ногах сабо на

каблуке. Девушка в центре в платье длиной до колен, сшитое из шелка, с высоким разрезом и декольте. Туфли на высоком каблуке. Короткая стрижка. Крайняя справа девушка в голубой длинной юбке и кофте с короткими рукавами. Ворот не застегнут. Туфли на высоком каблуке. Короткая стрижка. У всех троих в ушах золотые серьги, на руках кольца. Макияж. Возраст – 23 года.

**Фотография № 50.** 1990 г. Свадебные платья европейского стиля. Глубокий вырез, перчатки, на голове вместо традиционной свадебной шали фата.

## Rita KUZNETSOVA

### Woman in Old and Modern Abkhazia: «What's News?!»

The article is devoted to changes in the condition of Abkhaz women for the last century (1900s—2000s) on the basis of analysis of different sources: the deep interview texts (1); the results of the participant observation (2); the photographs from family archives (3); and the texts from fiction and scientific literature (4). The system of concepts that describes author's view on the nature of the problem is based on the works of modern sociologists (R. Collins, R. Connell, E. Hobsbawm) as well as the feminist theory authors (J. Huber, A. Kessler-Harris, A. Davis, etc.). The author touches upon some aspects of the topic, as follows: changes in the legal status of women in Abkhazia; gender roles; economic exploitation of the women's labor; changes in the strategy of women's self-presentation (dressing); and women's social activities.

During the *colonial period* (1860s, after its entry into Russian Empire — 1917 The Socialist Revolution) and the *post-colonial period* (1921, Abkhaz ASSR founding — 1991, USSR collapse) Abkhazia was multiethnic territory. The gender role imposed by men upon women in Old Abkhazia marked their domination. But the domination of men over women was theoretically absolute but practically it was far from an unlimited arbitrary power.

As a result of changes of colonial and post-colonial periods became an acculturation of Abkhaz. Real level of the male domination in Abkhaz community increased. This is probably connected with Christianization and Islamicization process and subordination of Abkhaz to the government. In 1917 the government “destroyed the inequality of women”. Actually the formal equality of sexes declared by the Soviet power intensified economical exploitation of women. The emancipation affected mostly clothes. It expresses women's self-presentation.

The level of men's domination did not change after the collapse of the Soviet Union. Georgia separated from the Union and Abkhazia separated from Georgia. After the Georgian-Abkhaz conflict (1990s) and post-war blockade Abkhazia began an isolated monoethnic development again. New social reality made Abkhaz women return to the role of “mother and worker”. The same features of role behavior of women will become the determining factor.

After the war the appearance of Abkhaz women changed greatly again. The today's generation of girls and young women use makeup demonstratively. They show their body without shame. Another sign of appearing emancipation is expressed in ability of more free communication with men. But free behavior in mass does not provide the sexual emancipation. It seems to be only first signs of freedom. While in economy women took first places ideology still proclaims men's power. Rare female authors try to explain themselves that men lost their old traditions and have difficulties with finding their place in life in such a short time. There is no woman author herself in the their text as if they still afraid to declare their views not follows the men's. Abkhaz women still perform duties prescribed by male society as housewives whose main duty is to raise children.

